

ШАРЛЬ ДИЛЬ

ВИЗАНТИЙСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

Шарль Мишель Диль

Византийские портреты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17855693

ISBN 978-5-85689-112-5

Аннотация

Представляем читателю одно из интереснейших исследований выдающегося французского историка. Закончив Высшую нормальную школу в Париже, ученый продолжил свою подготовку в 1881–1883 годах при французской археологической школе в Риме. В этот период он принял активное участие в изучении и издании византийских литературных памятников Италии, прежде всего в Равенне, где сохранились наиболее известные из них. В 1899–1934 годах профессор Сорбонны, с 1910 года член французской Академии надписей.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	20
Глава I. Жизнь византийской императрицы	20
I	20
II	23
III	25
IV	31
V	35
Глава II. Афинаида	46
I	46
II	49
III	57
IV	66
Глава III. Феодора	75
I	77
II	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Шарль Диль

Византийские портреты

Charles Diehl

Figures Byzantines

Перевод М. Безобразовой. Предисловие П.
Безобразова

Предисловие

Множество нитей – культурных, экономических, религиозных – связывали Византию с Русью. Эти древние нити не порвались еще окончательно. Византийские начала живы и в нашей государственной, и в нашей общественной жизни. Таким образом, история Византийской империи, давно закончившей свое существование, представляет для нас, русских, современный интерес.

Теория и практика византийского самодержавия оказала громадное влияние на Московское государство. Самое слово «самодержец» – буквальный перевод греческого «автократор» (aytos – «сам», crato – «держу»). Когда Великий князь Московский Иоанн Грозный пожелал принять титул царя, он старался доказать свои права на такой титул. В то время турки уже владели Константинополем, пала Византия, считавшаяся единой всемирной империей, заменившей Древний Рим, и права Иоанна на царский титул могли основываться только на связи московского престола с престолом византийским. Во времена Иоанна Грозного создавалась легенда, будто император Византийский Константин Мономах венчал на царство Владимира Мономаха, князя Киевского. Не подлежит ни малейшему сомнению, что не могло быть такого факта. Константин Мономах умер 11 января 1055 года, когда Владимиру Мономаху было всего два года и когда еще никто

не мог предвидеть, что через пятьдесят восемь лет он будет Великим князем Киевским, так как было много князей старше его.

Тем не менее эта легенда, так ярко характеризующая нашу зависимость от Византии, важнее многих подлинных событий. А вот и несомненные факты. Иоанн IV был первым нашим самодержцем, настоящим византийским царем на московском престоле. В первый раз иностранные послы увидели в Москве царя, сидящего на троне с золотой византийской короной на голове, в золотом византийском платье, с византийским скипетром в руке, – русского царя со всеми атрибутами византийского самодержавия. С тех пор все подданные стали холопами царя. «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны», – писал грозный царь Курбскому. Для царя все были холопами: и бояре, и потомки удельных князей, и воеводы – наравне с мужиком все они были холопами, рабами царя. Все подданные на челобитных царю подписываются «холоп твой такой-то», так же точно как в Византии высший сановник наравне с крестьянином подписывался «раб державного царя такой-то».

На установлении московского самодержавия отразилось и книжное влияние, византийские законы и толкования византийских юристов. Можно без преувеличения сказать, что вся наша литература в эпоху допетровскую была греческой. Жития святых, которые до сих пор читаются нашим народом, были или переведены с греческого, или написаны по

греческим образцам. Византийским духом и византийской риторикой пропитаны проповеди, поучения, раздававшиеся в церквях и учившие нравственности народ еще дикий, которому Византия представлялась верхом культуры.

Не только в книгах — в самой жизни отразилось византийское влияние. При наших постоянных сношениях с Константинополем пример цивилизованной страны казался достойным подражания. Всем известно, хотя бы из школьных учебников, как бесчеловечно был ослеплен своими родственниками князь Василько (в XI веке). В этом факте нельзя не видеть отражения у нас византийских обычаев. В Византии ослепление было одним из общепринятых средств отделяться от врага и законодательство признавало всякие членовредительные наказания.

Особенно сильно сказалось византийское влияние в домашней жизни и поставило в тяжелое положение женщину. Терем Московского времени вполне соответствует византийскому гинекею. Гинекеем называлась женская половина дома, где женщине полагалось сидеть взаперти.

В Византии существовал один обычай, который, несомненно, очень вредно отзывался на семейной нравственности. Родители обручали детей во время их малолетства, и, повзрослев, эти несчастные дети обязаны были исполнить обещание, данное за них родителями. Обыкновенно при этом писали форменный брачный договор, жених давал задаток, получал приданое и обязывался жениться впоследствии.

ствии на обрученной с ним девочке. Закон признавал подобные контракты и требовал, чтобы они не нарушались. Он ставил только одно ограничение: жениху и невесте должно было быть по крайней мере семь лет, не меньше. Этот обычай перешел к нам, и в Московском государстве точно так же обручались дети и составлялись обязательные контракты, называвшиеся рядными записями.

В Византийской империи женщина не пользовалась уважением. Ее считали порождением дьявола, виновницей грехопадения рода человеческого, существом слабым и нечистым, предназначенной быть служанкой и рабой мужчины. Она никогда не была самостоятельной, никогда не имела права распоряжаться ни собою, ни имуществом. До замужества она вполне подчинялась отцу; выданная замуж отцом за человека, которого она часто и в глаза не видала, женщина попадала в полное подчинение к мужу. Данное ей отцом приданое отдавалось мужу, который мог распоряжаться ее доходами по своему усмотрению, не имея только права отчуждать капитал. Но если она расходилась с мужем, приданое возвращалось не ей, а ее отцу. Жена была до некоторой степени свободна только у себя дома; тут она могла и даже обязана была заниматься своим домашним хозяйством и женским рукоделием. Но выходить из дому, бывать в театре или цирке она могла только с разрешения мужа. Даже в собственном доме свобода ее была ограничена: ей отводилась отдельная половина, гинекей, откуда она не имела права вы-

ходить, когда у ее мужа сидели гости. Совершенно такие же порядки царили в Московском государстве.

По отношению к Европе Византия сыграла тоже важную роль. Она уберегла ее от разгрома варваров и сохранила для нее культурные сокровища первостепенной важности. Благодаря своему географическому положению между Западом и Востоком Византийская империя принимала на себя удары азиатских народов: печенегов, половцев, турок-сельджуков, наконец, османов. Она задерживала варварский поток, не давала ему разлиться и поглотить западноевропейские государства.

Любознательные византийцы переписывали Гомера, сочинения Платона и Аристотеля, трагедии Софокла и Еврипида. Дети учились читать не только по *Псалтыри*, но и по *Илиаде*. Таким образом сохранились для человечества плоды эллинской цивилизации и произведения гениальных философов, влияние которых чувствуется до сих пор. Когда началось в Италии так называемое возрождение наук и искусств, Петрарка и Боккаччо отлично понимали важность греческой литературы и сожалели, что не знают греческого языка. Тем не менее они разыскивали и покупали греческие рукописи и справедливо придавали большую цену эллинизму, которому суждено было возродить Запад.

Помимо всего этого Византия сама по себе представляет значительный интерес. Будучи восточной половиной некогда единой Римской империи, она просуществовала все

Средние века, на тысячу лет дольше западной. Этот факт заслуживает изучения. В Византии должны были совмещаться и живые силы, и семена разложения, приведшие ее к гибели.

Неудивительно, что Византийская империя привлекает внимание европейских ученых и в последнее время появился ряд ценных монографий на языках французском, немецком и английском. Из французских византинистов первое место принадлежит Шарлю Диллю, который составил себе громкое имя своими исследованиями об Африке в византийскую эпоху и о царствовании Юстиниана. Недавно появилась его капитальная история византийского искусства, встреченная сочувственными отзывами всей европейской печати.

В популярных очерках, названных автором портретами, Диль дает публике возможность познакомиться со своеобразным строем и полной трагических происшествий историей Византийского государства.

В византийской истории множество противоречий и оригинальных черт. Империя абсолютная и демократическая в то же время. Царю принадлежала власть деспотическая, но происхождение его не имело никакого значения. Чтобы облечься в порфиру, не требовалась знатность рода. В теории византийский император избирался народом и сенатом, формула эта, унаследованная от Рима, продолжала существовать, но превратилась в пустой звук без соответствующего содержания. Не было народных собраний и правильно организованного избрания. Когда византийцы говорили

о народном избрании, они допускали архаизм и сами хорошо знали, что это фикция, пустой отголосок старины, давно прошедшей. Даже в Римской империи первоначальное голосование на Марсовом поле в Риме превратилось в пустую формальность, в приветственные клики. Сенат в Византийской империи не был государственным учреждением. Сенатом называли собрание сановников, назначенных царем, с которыми он совещался, когда желал, и советы которых он принимал или отвергал по своему усмотрению.

В Византии не существовало закона о престолонаследии. Никто не имел исключительного права на престол, и всякий свободный гражданин, не раб и не крепостной, имел право надеть на себя царский венец и порфиру. Это право сильного, и в нем заключалась византийская конституция. Царское самовластие сдерживалось заговорами, возможностью, о которой так часто мечтали византийцы, свергнуть царя и занять его место. Из сорока трех императоров, царствовавших от Юстиниана до четвертого крестового похода, шестнадцать вступили на престол насильственным путем. Когда заговор приводил к желаемому результату, то происходило провозглашение нового царя, но производилось оно исключительно столичным населением, а не всеми подданными и означало только подтверждение совершившегося факта. Главное же значение при византийских переворотах принадлежало войску, а константинопольские жители иногда помогали заговорщику тем, что начинали шуметь и грозить цар-

ствовавшему императору.

Сын царя имел такие же права на престол, как и всякий другой гражданин. Он должен был быть тоже провозглашен народом и фактически должен был иметь в своих руках армию. Совершенно естественно, что византийские монархи желали обеспечить престол за своим семейством, и с этой целью они пользовались соправительством, которое Византия унаследовала от Рима. Абсолютная монархия мирилась с тем, что на престоле могли сидеть два, даже три царя; фактически правил только один царь, другой носил почетный титул василевса и автократора (царя и императора) и в виде формальности подписывался на документах. Но таким путем предупреждалась возможная революция и упрочивалась царская власть за известной династией. Царь имел право назначить себе преемника, и, чтобы не возникал вопрос об его избрании, цари еще при жизни назначали соправителями и короновали своих преемников. Таким образом, по смерти царя не могло быть и речи о преемстве: один царь умер, но другой был жив и к нему переходила фактическая власть. Случалось, что короновали младенцев. Император Константин Копроним короновал своего полуторагодового сына Льва, а последний – малолетнего сына Константина VI. Когда умер Лев Мудрый, Константину Багрянородному, венчанному на царство отцом, было всего семь лет. Благодаря такому способу некоторые династии продержались на престоле довольно долго: Македонский дом – почти двести лет,

Комнины – сто лет.

Живые очерки Диля знакомят читателей с этими противоположными течениями и с разными типами царей: с выскочкой, вроде Василия I, – простым крестьянином, достигшим престола при помощи кровавых преступлений, с Комнинами, считавшими, что их семейство имеет право на престол, с дворцовыми революциями и придворными интригами, а также с царями, которым дорогу к трону прокладывал каприз императрицы.

Тут мы наталкиваемся на новое противоречие византийской жизни. Женщина, которую считали презренным существом, порою распоряжалась судьбой империи. Такова была умная, властная и очаровательная Феодора, о которой подробно говорит Диль и которая оказывала большое влияние на Юстиниана. Значительную роль сыграла в X веке Феодано, с трагической историей которой нас также знакомит Диль.

Влияние женщины и в те времена основывалось на мужской слабости, на увлечении женской красотой. Слабохарактерных царей нередко побеждали жены и фаворитки. Например, Склирена, любовница императора Константина Мономаха, интриговала против Маниака, талантливейшего полководца своего времени. Благодаря этой интриге царь лишил Маниака места и в угоду женщине отнял у византийской армии лучшего генерала.

Диль не ограничился портретами императриц, он поста-

рался проникнуть в семейный быт среднего сословия, а сделать это довольно трудно за отсутствием надлежащих документов. Византийские историки описывают почти исключительно войны, дипломатические сношения, касаются только высших сфер, не занимаясь личностями, по их мнению, ничтожными, тою массою, которая очень интересует современного историка. Диллю удалось воспользоваться речами византийских писателей и среди множества риторических фраз отыскать черты, дающие некоторое представление о византийской буржуазии.

Диль не пренебрег и византийской изящной литературой и знакомит нас с Дигенисом, напоминающим наших богатырей, и с византийским романом, который еще очень мало исследован. Неоднократно упоминает он об аскетическом идеале, о стремлении к монашеской жизни, которое было так сильно в Византии.

Развитие аскетизма можно проследить по житиям святых, которых Диллю не пришлось касаться, и по некоторым сказаниям. В одном греческом сказании рассказано следующее. В Эдессе живут язычники Клитофонт и Левкиппа; у них нет детей, и они горюют об этом. Однажды пустынный Онуфрий, застав Левкиппу плачущей, расспрашивал ее о причине горя. «Муж недоволен моей бездетностью», – отвечает она. Онуфрий обещает ей потомство под условием, чтобы она крестилась; та соглашается и, когда оказалась беременной, обо всем извещает мужа, который тоже принимает христи-

анство. У них родился сын, названный Галактионом, то есть «молочный», за белоснежный цвет кожи. Когда ему минуло двадцать четыре года, отец женил его на красавице Эпистимии, именитой и богатой, но Галактион решил воздержаться от исполнения супружеских обязанностей, что и делает, несмотря на протесты и соблазны Эпистимии. Он убеждает и жену, которая отказывается от языческой веры, становится христианкой и вместе с мужем предается аскетизму.

Автор этого сказания бессознательно, но все же очень наглядно представил нам, как изменилось воззрение на любовь с принятием христианства. Клитофонт и Левкиппа признают совместную жизнь, они горюют только о том, что у них нет детей. Сын их уже держится других воззрений на брак: он считает, что физическое сожительство – грех во всяком случае. Этот процесс действительно совершился в Византии. Главное содержание старогреческого романа составляет любовь, любовь плотская в основе, обнимающая все существо влюбленных, все для них освящающая в мире. И здесь всем правит любовь, в этом ее высшая законность. Христиане не могли смотреть так на любовь; они отличают целомудрие от незаконной, греховной любви, но они считают, как Клитофонт и Левкиппа, что целомудрие соблюдено в браке и нет греха в продолжении рода человеческого.

В литературе взгляд на женщину и любовь сказался очень ясно. Климент-язычник сообщает александрийскому грамматiku Аппиону, что он страстно влюблен без надежды на

успех. Аппион обещает написать его милой послание с такими похвалами прелюбодейству, что ни одной женщине не устоять против них. Он пишет послание следующего содержания. Приветствовав милую от имени Эрота, влюбленный говорит: «О, знаю, что ты интересуешься философией и стремишься подражать жизни лучших людей. Кто же эти лучшие, как не боги прежде всего, а из людей философы? Они одни знают, какие из деяний хороши или какие дурны. Так, некоторые считают дурным делом прелюбодейство (то есть связь, не скрепленную браком), хотя оно во всех отношениях дело хорошее, ибо творится по велениям Эрота, ради приумножения жизни. Эрот – древнейший из всех богов; без Эрота нет смещения и зарождения ни стихий, ни богов и людей, ни неразумных животных, ни всего остального. Все мы – орудия Эрота. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанию, а по его велению. Испытывая желание по его воле и вместе с тем пытаюсь ограничить это желание в угоду так называемому воздержанию, разве мы не совершаем величайшего кощунства, действуя наперекор старейшему из богов?» Эти общие положения поясняются рассказом о любовных похождениях Зевса, о наградах, которые Зевс расточал своим любовницам, о мудрецах, подчинявшихся велениям Эрота. В ответном послании милой к Клименту проведен уже совсем другой взгляд на любовь. Она отрицает божество и главенство Эрота. Любовь не бог, а вождение самого любящего; любовные похождения бо-

гов придуманы людьми, чтобы прикрыть их примером собственное распутство. Эрот не бог, а животное вожделение, внушенное Творцом в целях продолжения жизни, дабы человеческий род не прекратился. Родители, озабоченные целомудрием своих детей, должны наставлять их в нем прежде, чем наступит пора вожделений, сдерживая их страхом закона и ранним браком. В этом ответном послании взгляд на любовь совсем другой: тут проводится резкое отличие между любовью в браке и вне брака.

На первых порах идеал женщины представлялся в виде целомудренной жены, но жены в полном смысле слова. Она – блаженное напоминание первого творения, когда единый Господь создал единому мужу единую жену; ее красота – в благоустроении души, ароматы – добрая слава, прекрасные одежды – стыдливость. Она не дает поводов нравиться кому бы то ни было, кроме мужа, избегая общества юношей, сдержанная и относительно старцев, предпочитая честную беседу беспорядочному смеху. Но очень скоро доходят до крайности, отрицают любовь, прославляют девственность. Все физические отношения между мужчиной и женщиной считаются грехом, даже когда они освящены браком. На смену Клитофонту являются понятия Галактиона. Этих-то понятий и держались в Византии. Идеалом была женщина, поступившая в монастырь, умерщвляющая плоть, надевающая на себя вериги, изнуряющая себя постом и воздержанием. Другого идеала византийцы не знали; женщина, живущая в

мире и для мира, — источник зла и соблазна. Понятия эти были перенесены из Византии к нам и пустили у нас крепкие корни. В *Пчеле*, сборнике статей, переведенном с греческого и очень распространенном в Московском государстве, читаем: «От жены начало греху, и тою вси умираем; горе дому тому, им же владеет жена; зло и мужу тому, иже слушает жены».

В последнее время русское образованное общество заметно заинтересовалось Византией. Большинство университетов включило историю Византийской империи в число предметов, обязательных для студентов. Между тем чувствуется большой недостаток и в университетских учебниках, и особенно в популярных книгах. Единственный общий труд, существующий на русском языке. *История Византии* Герцберга, переведенная мной и снабженная примечаниями и обширными приложениями, давно разошлась и стала библиографической редкостью, которую ищут у букинистов и редко находят. Для специалистов издаются два журнала, *Byzantinische Zeitschrift* в Мюнхене и *Византийский Временник* в Петербурге. Появляются и обширные монографии известного Бери в Англии и учеников Диля во Франции. Но все эти ценные сочинения не могут быть прочтены той публикой, которая не имеет времени и охоты углубляться во все подробности византийской истории, но желала бы познакомиться с ней в общих чертах.

К сожалению, специалисты не только у нас, но и за грани-

цей очень редко снисходят к требованиям широкой публики и редко умеют писать популярно. Диль представляет в этом отношении приятное исключение. Он специалист и вполне вооружен научным знанием. Он не почерпает своих сведений из вторых рук, а обращается к первоисточникам. Материалы для византийских портретов, которые Диль нарисовал умелой рукой, он извлек непосредственно из греческих летописей, мемуаров, речей и проповедей. Но в то же время он не сообщает нам и излишних и ненужных подробностей и знакомит нас только с теми биографиями, которые действительно характерны и дают богатые иллюстрации к византийской истории.

Мы не сомневаемся, что талантливые очерки Диля будут с интересом прочитаны всеми интересующимися византийской жизнью, давно прошедшей и все еще нам близкой.

П. Безобразов 1914 г.

Часть первая

Глава I. Жизнь византийской императрицы

I

В самой отдаленной части императорского дворца в Константинополе, за помещениями охранной стражи и приемными палатами, среди тенистых садов с фонтанами, представлявших, по выражению одного летописца, новый Эдем, как бы второй рай, находилось частное обиталище византийских императоров.

По описаниям византийских писателей мы можем иметь некоторое представление о пышном и красивом жилище, украшавшемся в течение веков несколькими поколениями царей, где вдали от светского шума и тягостного церемониала *василевсы*, представители Бога на земле, становились вновь простыми смертными. Тут повсюду видны были драгоценные мраморы и блестящая мозаика. В большом зале Нового дворца, построенного императором Василием I, над великолепными колоннами из зеленого мрамора и красно-

го оникса, больших размеров композиции, памятники светской живописи, которой византийские художники вовсе не так пренебрегали, как обыкновенно думают, изображали самодержца сидящим на троне среди своих победоносных полководцев и рассказывали славную эпопею его царства: «геркулесовы работы царя, – как выражается современник, – его попечения о благе подданных, его труды на поле брани, его победы, дарованные Богом». Но, по-видимому, нечто особенно чудесное представляла императорская спальня. Под высоким потолком, усыпанным золотыми звездами, сверкал крест из зеленой мозаики, символ спасения, и вся обширная комната была покрыта великолепными украшениями. На мозаичном полу, по самой середине, был изображен павлин со светозарными перьями, а по углам четыре орла – царские птицы в рамках, из зеленого мрамора, с распростертыми крыльями, готовые улететь. Вдоль стены, внизу, мозаичные четырехугольники образовывали как бы кайму из цветов; выше по золотому фону была изображена, той же мозаикой, вся императорская фамилия в полном парадном одеянии: Василий на троне, с короной на голове, и подле него жена его Евдокия, а вокруг них, почти в том же виде, как они представлены на выцветших миниатюрах одной прекрасной рукописи в Национальной библиотеке, их сыновья и дочери с книгами в руках, где были написаны благочестивые изречения из Священного Писания; и все торжественно воздымали руки к символу искупления, к кресту, а пространные

надписи, начертанные на стенах, призывали на весь царский род Божие благословение и молили, да будет ему даровано царство небесное.

Дальше, в Жемчужной палате, находилась летняя опочивальня царей с золотым сводом (поддерживаемым четырьмя мраморными колоннами, с мозаичными украшениями, изображающими сцены из охотничьей жизни), выходившая с двух сторон через портики в сады, манившие прохладой. В покоях, называвшихся Карийскими, так как они были выстроены целиком из карийского мрамора, находилась зимняя опочивальня, защищенная от резких ветров, дующих с Мраморного моря; тут была и уборная императрицы с полом, выложенным белым прокониским мрамором и вся украшенная иконописью. Особенно поражала спальня императрицы, удивительная зала с мраморным полом, казавшимся «усыпанной цветами лужайкой», а стены ее, выложенные порфиром, зеленым крапленным фессалийским мрамором, белым мрамором карийским, представляли такое счастливое и редкое сочетание цветов, что, благодаря ему, комната эта получила название залы Муз, или Гармонии. Были тут еще покои Эрота и покои Порфиновые, где по традиции должны были рождаться дети императорской фамилии, называвшиеся вследствие этого «порфирородными». И наконец, везде тут привлекало взоры великолепие дверей из серебра или слоновой кости, пурпуровые завесы на серебряных прутьях, златотканые ткани на стенах, с фигурами фантастических

животных, большие золотые люстры, висевшие под сводами куполов, драгоценная мебель с тонкой инкрустацией из перламутра, золота и слоновой кости.

В этом великолепном жилище, окруженная своими придворными евнухами и женщинами, вдали от докучного церемониала и шумных треволнений столицы, жила среди мирной тишины цветущих садов, среди звонкого плеска фонтанов та, чью жизнь мне хотелось бы описать, — «слава порфиры», «радость мира», как приветствовал ее народ константинопольский, «благочестивейшая и блаженнейшая августа, христолюбивая василисса», как именовалась она по церемониалу, словом, византийская императрица.

II

Обыкновенно довольно неверно представляют себе образ жизни цариц Восточной греческой империи. Бессознательно припоминая идеи, определившие положение женщины в Древней Греции, в средневековой России и на мусульманском Востоке во все времена, в византийских императрицах часто видят вечных малолетних, вечных затворниц, заключенных в гинекее под строжайшим надзором вооруженных евнухов, принимающих только женщин и «безбородых мужчин» (то есть евнухов), как выражались в Византии, да старых священников, показывавшихся публично лишь при самых редких церемониях, и то под плотными покрывала-

ми, скрывавшими их от нескромных взглядов, содержавших свой особый женский двор, строго отделенный от двора василевса, словом, ведущих в христианском обществе жизнь мусульманского гарема.

Хотя такое мнение об образе жизни византийских цариц очень распространено, тем не менее оно не вполне основательно. Немногие государства отводили женщине столько места, предоставляли ей более значительную роль и большее влияние на политику и правительство, чем Византийская империя. Это, по верному замечанию Рамбо, «одна из отличительных черт греческой истории Средних веков»¹. Не только было много императриц, пользовавшихся всемогущим влиянием на своих мужей в силу обаяния своей красоты или превосходства ума, это ничего бы еще не доказывало, так как все любимые султанши делали то же самое. Но в империи, основанной Константином, почти в каждом веке встречаются женщины или царствовавшие сами, или, что еще чаще, полновластно распоряжавшиеся короной и поставлявшие императоров. Этим царицам принадлежало полновластие и торжество церемоний, в которых проявляется внешним образом блеск власти, и те торжественные акты, в которых сказывается реальная власть. Даже в интимной жизни гинекея находишь следы всемогущества, которым законным образом пользовались византийские императрицы, а в общественной жизни, в той политической роли, какую ей от-

¹ *Rambaud. Impératrices d'Orient. — "Revue des Deux Mondes", 1891, t. I, p. 829.*

водили ее современники, это всемогущество выступает еще ярче. Поэтому для того, кто хочет узнать и понять византийское общество и византийскую цивилизацию, быть может, найдется кое-что новое в жизни забытых цариц той далекой эпохи.

III

В обширных покоех, составлявших царский гинекей, императрица царила полновластной хозяйкой. Наравне с императором у нее была, для сопровождения и услужения, многочисленная свита, состоявшая из женщин и придворных чинов. Во главе придворного штата стоял препозит, или заведующий дворцом, главный начальник камергеров, референдариев, силенциариев, приставленных к особе василиссы, и все они, равно как и меченосцы или протоспафарии, избирались из среды евнухов дворца. Для службы у стола императрица имела, подобно императору, своего главного стольника и своего главного кравчего. Во главе женщин стояла заведующая дворцом, обыкновенно отличенная высоким чином опоясанной патрикии (*zoste*), руководившая с помощью протовестиарии бесчисленным штатом придворных дам, прислуживавших в комнатах, а также девушек, составлявших общество царицы. Обыкновенно император сам заботился о назначении особ, которые должны были быть приставлены к особе августы, и прежде всего он оставлял за собой при-

вилегию самому вручать главной заведующей дворцом знаки ее достоинства и принимать засвидетельствование верно-подданных чувств от вновь назначаемых придворных женщин. Но большинство служителей гинекея императрица, сверх того, сама жаловала в сан, чтоб ясно показать, что они принадлежали ей. И хотя в день их пожалования облаченной в официальный костюм, соответствовавший их должности, — золотую тунику, белый плащ, высокую прическу в форме башни, *прополому*, с длинным белым вуалем — женской свите царицы пропозит делал внушение, что они должны иметь в сердце страх Господень и хранить искреннюю верность и полнейшую преданность василевсу и августу, есть основание предполагать, что, принятые в покои императрицы, они скоро забывали императора и считали себя принадлежащими только царице.

Уверенная в преданности своих служителей, императрица у себя в гинекее имела право действовать всецело по своему усмотрению, и, в соответствии со своим темпераментом и характером, она довольно разнообразно пользовалась этой свободой. Для многих из этих прекрасных цариц забота о туалете составляла главное занятие. Говорят, что Феодора, утонченная кокетка, чрезвычайно заботилась о своей красоте: чтобы сохранить ясное спокойствие лица, она спала до позднего утра; чтобы уберечь блеск и свежесть цвета лица, она принимала частые и продолжительные ванны; она любила великолепие парадных костюмов, яркие длинные мантии

из фиолетового пурпура, расшитые золотом, ослепительно сверкающие украшения, драгоценные камни и жемчуг; она знала, что красота ее – лучший залог ее всемогущества. Другие носили более простые наряды. Зоя, за исключением больших придворных праздников, носила только легкие платья, которые очень шли к ее белокурой красоте; зато у нее было пристрастие к ароматам и косметике, и ее комната, где круглый год горел большой огонь, служивший для приготовления притираний и ароматов, походила несколько на лабораторию алхимика. Наконец, были и такие царицы, которые, презирая эти изящные ухищрения, предпочитали, по словам одного современника, «украшать себя блеском своих добродетелей», считая презренным и пустым искусство косметики, столь дорогое Клеопатре. Иные, подобно Феодоре, считали, что тонко сервированный стол – одна из неотъемлемых прерогатив верховной власти; другие мало тратили на себя, находя главным образом удовольствие в том, чтобы наполнять деньгами большие ларцы. Многие были набожны: благочестивые упражнения, долгие стояния перед святыми иконами, серьезные беседы с монахами, прославленными за суровый образ жизни, наполняли большую часть жизни иных императриц. Многие также любили литературу. Они собирали вокруг себя писателей, сочинявших для них произведения в прозе и стихах, и всегда щедро их вознаграждали; случалось даже, что иные из этих цариц, как, например, Афинаида, или Евдокия, писали сами, и царицы из рода Комни-

нов заслужили репутацию женщин просвещенных, образованных и ученых. Другим более по вкусу приходились грубые шутки шутов и мимов, и сама великая Феодора, такая, впрочем, умная, при этом природная актриса, забавлялась иногда тем, что устраивала – часто за счет своих посетителей – различные увеселения довольно сомнительного вкуса. Наконец, придворные интриги и любовные похождения заполняли время обитательниц женской половины дворца, превращая иногда гинекей в место тревоги для самого императора.

Но не следует все-таки думать, что у византийской императрицы все время уходило на благочестивые упражнения, туалет, приемы, увеселения и празднества. Заботы более высокого свойства часто волновали многих из этих цариц, и не раз влияние гинекея сказывалось на ходе правительственных дел. Августа имела собственное состояние, которым распоряжалась по своему усмотрению, не советуясь с василевсом, даже не предупреждая его; она придерживалась своей собственной политики, и нередко политика эта довольно плохо согласовывалась с велениями царя, явление еще более любопытное, довольно поразительное в такой абсолютной монархии; император во многих вопросах охотно предоставлял василиссе полную свободу действия и часто совершенно не знал, что у нее происходит. А между тем в стенах гинекея творились странные дела, скрывались страшные тайны. Когда константинопольский патриарх Анфим, сильно заподо-

зренный в ереси, должен был предстать перед собором, был отлучен от церкви и приговорен Юстинианом к ссылке, он нашел убежище в самом дворце, в покоях Феодоры. Сначала были несколько поражены внезапным исчезновением патриарха; затем о нем забыли, сочтя его умершим. И велико было изумление, когда позднее, после смерти императрицы, нашли патриарха в отдаленной части гинекея: двенадцать лет провел он в этом скромном уединении, в то время как Юстиниан не имел об этом ни малейшего понятия, и, что еще удивительнее, Феодора не выдала своей тайны.

В гинекее же был составлен заговор, жертвой которого пал император Никифор Фока. В то время как василевс ничего не подозревал, Феофано сумела впустить к себе своих сообщников, ввести затем на женскую половину вооруженных заговорщиков и так ловко их спрятать, что, когда царь в последнюю минуту был извещен в туманных выражениях об угрожавшем его жизни заговоре и приказал обыскать гинекей, не нашли никого и подумали, что были введены в обман. Два часа спустя, когда на дворе была ночь и бушевала буря, глава заговора в свою очередь был поднят на веревках в корзине из ивовых прутьев до окна комнаты императрицы, и, застигнутый врасплох, безоружный василевс, обливаясь кровью от бесчисленных ран, пал мертвым, с черепом, рассеченным страшным ударом меча.

Без сомнения, из этих исключительных фактов отнюдь не следует делать слишком общего вывода. Но что несравнен-

но знаменательней – это то, что между мужской половиной императора и половиной царицы не существовало, как это совершенно ошибочно думают, никакой непроходимой стены. Как придворные дамы августы в присутствии всего двора получали из рук василевса почетные знаки своего отличия, так и царица допускала в свои покои многих высоких сановников, вовсе не принадлежавших к безопасной категории «безбородых чинов», и самый этикет, этот византийский этикет, представляющийся нам таким неумолимо строгим, позволял в иные торжественные дни широко, чтобы не сказать нескромно, растворяться дверям гинекея.

Когда через три дня после бракосочетания новая императрица выходила из супружеских покоев, чтобы принять ванну в Магнаврском дворце, в садах, через которые проходило шествие, придворные и горожане стояли сплошной стеной. И когда, предшествуемая слугами, несшими на виду у всех пеньюары, коробочки с ароматами, ларцы и сосуды, сопровождаемая тремя придворными дамами, державшими в руках, как символ любви, красные яблоки с жемчужной инкрустацией, царица появлялась перед глазами зрителей, раздавались звуки механических органов, народ рукоплескал, придворные шуты отпускали свои шутки, а высшие государственные чины сопровождали царицу до входа в ванную и ожидали ее у дверей, чтоб торжественно отвести ее потом обратно в брачные покои. Когда, через некоторое время после этого, императрица дарила василевсу сына, через восемь

дней по рождении ребенка весь двор торжественно проходил перед роженицей. В опочивальне, обтянутой по этому случаю златоткаными тканями, сверкающей огнями бесчисленных люстр, молодая мать лежала на постели, покрытой золотыми одеялами; подле нее стояла колыбель, где покоился юный наследник престола. И препозит по очереди впускал к августу членов императорского дома; затем следовали по старшинству ранга жены высших сановников и, наконец, вся аристократия империи: сенаторы, проконсулы, патрикии, всякие чины; и каждый, склоняясь по очереди перед царицей, приносил ей свои поздравления и клал около постели какой-нибудь подарок для новорожденного.

Как видно, это отнюдь не нравы гарема, и ввиду таких обычаев имеется ли хоть какое-нибудь основание говорить о строгом затворничестве гинекея и неумолимой суровости византийского церемониала?

IV

Но жизнь византийской императрицы далеко не вся протекала в узких рамках ее дворца. Даже церемониал отводил ей место в общественной жизни и указывал ей наряду с василевсом ее роль в официальных торжествах и в управлении монархией.

Известно, какую важную роль в жизни византийского императора играли придворные церемонии. Одно из любопыт-

нейших дошедших до нас произведений этой далекой эпохи, одно из тех, которые лучше всего оживляют перед нашими глазами все живописное своеобразие этого исчезнувшего общества, *Книга о церемониях*, составленная в середине X века императором Константином VII, вся посвящена описанию процессий, празднеств, аудиенций, пиров, налагаемых в виде обязанности на царя тяжелым и неумолимым этикетом. И хотя и тут, как и в других вещах, касающихся этой так мало известной Византии, впадают в довольно грубые ошибки и сильно преувеличивают кое в чем тяжесть, возлагавшуюся церемониалом на плечи царя – какой-нибудь Людовик Святой или даже Людовик XIV, наверно, ходили в церковь чаще, чем любой василевс, – тем не менее, несомненно, эти официальные торжества составляли немалую часть обязанностей императора. И царица постоянно разделяла их с ним. «Когда нет августы, – говорит один византийский историк, – невозможно устраивать празднества, давать пиры, предписываемые этикетом».

Таким образом, в общественной жизни монархии императрица имела свою роль, как бы свою долю царства. И понятно, что прежде всего император предоставлял ей почти все, что относилось к женской половине дворца. В праздник Пасхи, в то время, как в храме Святой Софии василевс принимал высших чинов империи, приходивших в воспоминание о воскресшем Христе почтительно дать ему целование мира, на хорах великой церкви, специально предназначенных для

женщин, императрица, сидя на троне, окруженная своими камергерами и придворной стражей со своей стороны принимала, с соблюдением того же иерархического порядка, в каком проходили перед императором их мужья, жен высших сановников, всех, которым должности мужей давали доступ ко двору; и все, одетые в парадные костюмы, с *прополомой* на голове, сверкая шелком, золотом и драгоценными камнями, подходили по очереди и целовали августу.

Наступали новые торжества, и опять у императрицы был тот же блестящий прием женщин. В ноябре месяце, во время праздника Брумалий – старый пережиток древнего языческого праздника, – царица в порфириковых покоях раздавала придворным дамам дорогие шелковые ткани, а вечером в больших парадных залах приглашала их на пышные празднества, во время которых певчие Святой Софии и храма Святых апостолов в поэмах, сложенных в ее честь, прославляли августу; придворные актеры и шуты забавляли общество своими интермедиями, а представители партии цирка и некоторые из важнейших сановников исполняли во время десерта перед царицей и ее гостями медленный торжественный танец с факелами. Точно так же, когда византийский дворец посещали иностранные принцессы, императрица опять-таки помогала императору в приеме их. Подобно василевсу, и она давала им аудиенцию; она приглашала их к обеду вместе с дамами их свиты; она осыпала их подарками и любезностями. Этим она до известной степени участвовала

в иностранной политике своей страны, и от ее милостивого приема часто зависел успех государственной дипломатии.

Но церемониал не ограничивал одними приемами женщин официальную роль царицы. Часто она еще более прямым образом помогала своему царственному супругу. В Вербное воскресенье она принимала вместе с ним. На придворных обедах она садилась за стол вместе с ним, с сенаторами и сановниками, удостоившимися чести быть приглашенными к царскому столу. Получая, наконец, по этикету свою долю обычных приветствий, которыми народ имел обыкновение встречать царей, иногда даже воспеваемая в специально для нее сложенных поэмах, она не боялась показываться публично вместе с императором. На ипподроме, в дни больших бегов, перед Священным дворцом, когда происходили некоторые политические церемонии большой важности, толпа протяжно возглашала следующие слова: «Богвенчаннные цари, являйтесь с августами», и еще: «Чета, покровительствуемая Богом, василевс и ты, слава порфиры, придите просветить ваших рабов и порадовать сердца вашего народа», и еще: «Явись, императрица ромеев» – все формулы, которые не имели бы никакого смысла, если бы царица не появлялась в эти дни в ложе цирка или на балконе дворца. Так мало было в обычае, чтобы императрица жила затворницей за стенами императорской резиденции, что она зачастую появлялась публично и без сопровождения императора. Так она идет без него в торжественной процессии в Святую Со-

фию, без него вступает в столицу, отправляется к нему навстречу, когда он возвращается из похода. Дело в том – и это объясняет выдающуюся политическую роль, какую она так часто играла, – что византийская царица была больше чем подруга и соправительница василевса. С того дня, что она всходила на престол Константина, она приобретала в своем лице всю полноту верховной власти.

V

Обыкновенно не политические причины, как в наших современных государствах, определяли в Византии выбор императором жены. Царь находил невесту при помощи оригинального и довольно странного приема.

Когда императрица Ирина захотела женить своего сына Константина, она разослала по всей империи гонцов с тем, чтобы они разыскали и привезли в столицу самых красивых девушек империи. Желая ограничить их выбор и облегчить им задачу, царица определила возраст и рост, какие должны были иметь кандидатки в василиссы, равно и величину их обуви. Снабженные этими инструкциями, посланные отправились в путь, и вот в дороге они попали раз вечером в одну пафлагонскую деревню. Увидев издали большой прекрасный дом, принадлежавший, как казалось, богатому владельцу, они решили переночевать в нем. Расчет их оказался неверен: хозяин дома был святой, подававший такую щед-

рую милостыню, что в конце концов совершенно разорился. Тем не менее он оказал самый радушный прием послам императора и, позвав жену свою, сказал ей: «Сделай нам вкусный обед». Жена, крайне смущенная, отвечала: «Как же мне быть? Ты так хорошо управлял домом, что в птичнике не осталось ни одной птицы». – «Ступай, – возразил святой, – разведи огонь, приготовь большую столовую, накрой старый стол из слоновой кости: Бог позаботится о том, чтоб у нас было чем пообедать». И Бог действительно позаботился; когда же за десертом посланные, крайне довольные тем, как их приняли, любезно стали расспрашивать старика о его семье, оказалось, что у него как раз были три внучки в возрасте невесты. «Именем боговенчанного императора, пусть они покажутся! – воскликнули тут послы. – Ибо василевс приказал, чтобы не осталось во всей Римской империи ни одной девушки, которой бы мы не видели». Они явились и оказались прелестными, и именно одна из них, Мария, имела требуемый возраст, желательную фигуру и величину обуви.

Восхищенные своей находкой гонцы увезли в Константинополь всю семью. Там собралась уже дюжина других молодых девушек, очень красивых и по большей части происходивших из богатых и благородных семей. Поэтому красавицы эти отнеслись сначала к вновь прибывшей с некоторым презрением, и, когда она, будучи далеко не глупой, сказала своим подругам: «Друзья мои, обещаем все друг другу следующее: пусть та из нас, которую Бог изберет на царство,

обязуется пристроить остальных», дочь одного стратига ответила ей с высокомерием: «О, я из всех самая богатая, самая знатная и красивая; наверно, император женится на мне. Вы все, бедные девушки неизвестного происхождения, имеющие за собой только красивую наружность, вы можете отложить святое попечение». Само собой разумеется, что эта спесивая особа была наказана за свою спесь. Когда кандидаты предстали перед императрицей, перед ее сыном и первым министром, ей тотчас заметили: «Девушка, ты прекрасна, но не годишься в жены императору». Мария же, напротив, сразу завоевала сердце юного царя, и он выбрал ее.

Этот и другие подобные анекдоты показывают нам, к каким способам обыкновенно прибегали, чтобы получить византийскую императрицу, а иногда, что случилось с Юстинианом и Феодорой, царь попросту влюблялся в какую-нибудь прекрасную искательницу приключений и делал ее своей женой. Из этого видно, что василевсы не слишком стояли за знатность рода и всякая красивая женщина была всегда в их глазах достаточно приличной, чтобы стать императрицей. Но верно и то, что торжественные церемонии, сопровождавшие коронование и бракосочетание, безусловно, изменяли будущую царицу, придавая ей совершенно новое достоинство, преображая самую простую еще накануне девушку в существо сверхчеловеческое, живое воплощение всемогущества и божественности.

Я не стану описывать подробно пышный церемониал – все

эти византийские торжества очень похожи одно на другое в своем однообразном великолепии, — во время которого молодая женщина, введенная с покрывалом на лице в большую залу Августея, облачалась императором в пурпуровую хламиду, которую предварительно благословлял патриарх, и короновалась василевсом бриллиантовой короной с жемчужными подвесками; ни приема придворных, происходившего затем в дворцовой церкви Святого Стефана, ни, наконец, самого бракосочетания, когда патриарх возлагал брачный венец на головы супругов. Из этого сложного ритуала достаточно отметить некоторые символические акты, некоторые характерные черты, ясно показывающие, какая высокая власть заключалась в славном титуле византийской императрицы.

Прежде всего следующий факт: бракосочетание следует за коронованием, а не предшествует ему. Императрица приобщается всемогуществу вовсе не потому, что она жена императора; вовсе не от супруга получает она как бы отражение власти. Она облачается верховной властью актом, предшествующим бракосочетанию и не зависящим от него, и эта верховная власть, какой она облачается, подобно императору, как избранница самого Бога, вполне равна власти василевса. Это наглядно видно из того, что и народу не император представляет новую императрицу. Когда через возложение на нее короны она облеклась высшею властью, она идет не сопутствуемая императором, а лишь в сопровождении своих камергеров и женщин; медленно, меж живыми

стенами, образуемыми при ее прохождении охранной стражей, сенаторами, патрикиями, высшими сановниками, проходит она рядом комнат во дворце и поднимается на террасу, вокруг которой внизу выстроились войска, высшие сословия государства и народ. В роскошном царском наряде, сверкающем золотом, она показывается своим новым подданным и торжественно признается ими. Пред ней склоняются знамена, великие мира и чернь падают ниц, простершись во прахе, вожди партий выкрикивают свои освященные обычаем приветствия. Она же, в строгой торжественности, с двумя свечами в руках, склоняется сперва перед крестом, потом кланяется своему народу, и к ней летит его единогласный крик: «Боже, спаси августу!»

Еще другой факт: несомненно, коронование царицы окружено большей таинственностью, чем коронование императора: оно происходит не под сводами Святой Софии, а внутри дворца. Но не надо думать, что это вследствие известных идей, будто бы порожденных Византией, «обрекавших, как говорят, женщину на затворничество и плохо мирившихся с присутствием ее на слишком публичных торжествах». В сущности, весь двор, мужчины и женщины, присутствует при этом короновании; и когда потом, по окончании церемонии, император сходится с императрицей в церкви Святого Стефана, тут не бывало, как это думают иные, двух отдельных приемов – один для мужчин у василевса, другой для женщин у августы. Сидя рядом на своих тронах, оба смотрят,

как перед ними по очереди проходят сначала все мужчины, потом все женщины, составляющие двор; и все, как мужчины, так и женщины, после того как их ввели, поддерживая под руки, два силенциария, падают ниц и целуют колена императора и августы.

Вот, наконец, еще одна, последняя черта. При выходе из храма Святого Стефана, по окончании бракосочетания, супруги в сопровождении всего двора, мужчин и женщин, направляются в брачные покои. При их проходе народ стоит стеной и, приветствуя, обращается с пожеланиями к новой василиссе: «Добро пожаловать, августа, избранная Богом! Добро пожаловать, августа, покровительствуемая Богом! Добро пожаловать, ты, облеченная в порфиру! Добро пожаловать, ты, для всех желанная!» И толпа допускалась в самые брачные покои, к самой императорской золотой кровати, и тут еще раз новобрачные должны были выслушать от нее приветствия и пожелания счастья и согласия. Наконец, вечером за свадебным пиршеством самые важные придворные сановники, так называемые друзья императора, и самые знатные дамы обедали все вместе в триклинии Девятнадцати аккувитов в обществе монархов. И что в особенности поражает во всем этом церемониале- это то, до какой степени мужчины и женщины бывают вместе при этом дворе, по общему мнению, таком недоступно строгом, и как мало похожа на затворничество жизнь этой императрицы, которой сам церемониал предписывает как первый акт ее высшей власти

являть свое лицо перед всей собравшейся Византией.

Конечно, надо остерегаться преувеличений. Относительно таких щекотливых вопросов естественно, что и этикет, и нравы менялись с течением времени. Как видно, в конце IX и на протяжении всего X века, быть может под влиянием мусульманского Востока, несколько более строгий церемониал предписывает императрице действительно замыкаться в гинекее, носить более плотные покрывала, не так охотно приглашает ее появляться на публичных торжествах. Но между V и IX веками нельзя заметить ничего подобного, и когда с конца XI века Византия начала вступать в сношения с Западом, все более и более непосредственные, когда западные принцессы стали вступать на трон Константина, строгость этикета, если таковая и существовала прежде, окончательно была поколеблена и древний церемониал отошел в область предания.

Если кто хочет, наконец, полностью уяснить еще на последнем примере, какие права давали законы и обычаи византийской императрице, вот еще один факт, чрезвычайно характерный. Когда в 491 году умер император Зенон, вдова его, императрица Ариадна, взяв в свои крепкие руки бразды правления, из дворца отправилась в цирк в сопровождении высших придворных и государственных чинов и, стоя в императорской ложе в полном парадном одеянии, обратилась с речью к собравшемуся на ипподроме народу. Она объявила ему, что по ее приказанию соберется сенат и высшие

сановники, чтобы под председательством монархини и при содействии армии назначить преемника покойному. И действительно, этот верховный государственный совет собрался во дворце, но первым его делом было предоставить самой Ариадне право выбрать нового императора. Как ни поразителен может показаться такой способ действия, в нем отнюдь не следует усматривать чего-либо революционного. Августа, законно облеченная со дня коронования верховной властью, законно предъявляет ее во всей ее полноте и передает ее по своему усмотрению. Приветствующий ее народ формально признает ее право. «Тебе, Ариадна августа, — кричит толпа, — принадлежит верховная власть»; и министр, составлявший в VI веке церемониал, откуда заимствован этот рассказ, особенно упирает на то, что вопрос о престолонаследии становится чрезвычайно тревожным, «когда, — говорит он, — нет августы или императора, чтоб произвести передачу власти».

Вот почему при всяком действии, могущем изменить правительство империи, при избрании василевса или соправителя, царица всегда выступает публично, появляясь на ипподроме, обращаясь к народу с речью, энергичная и действующая, и никому и в голову не приходит видеть в этом что-нибудь удивительное или оскорбительное. Хранительница власти, она по своему усмотрению может любого произвести в императоры, управлять в качестве регентши за своих несовершеннолетних детей или царствовать сама. В то время как германский Запад с негодованием отнесся бы к тому, чтоб

власть перешла к женщине, восточная Византия без сопротивления признала царицу, которая в официальных актах с гордостью называла себя: «Ирина, великий василевс и автократор римский».

Византийские миниатюры сохранили нам много портретов этих цариц, живших так давно. Физически они представляют довольно различные типы, и действительно, византийские императрицы были самого различного происхождения и всевозможных национальностей Европы и Азии, Кавказа и Греции, Константинополя и провинций, Сирии и Венгрии, Франции и Германии, вплоть до диких племен Хазарии или Болгарии. В нравственном отношении они представляют не менее глубокое различие: «Среди этих август, – по удачному выражению Рамбо, – встречались все женские типы, какие только можно себе представить: политические деятельницы, как Феодора или Ирина Афинянка; женщины писательницы, как Евдокия или Анна Комнина; женщины легкого поведения, как Зоя Порфирородная, другие, сохранившие себя в чистоте и предававшиеся благочестию, как сестра Зои, Феодора; еще другие, занимавшиеся исключительно придумыванием всяких ароматических смесей, утонченнейших туалетов, изощреннейших одежд и причесок, чтоб революционировать всю женскую половину Византии; женщины, о которых не говорили, и женщины, о которых говорили слишком много; женщины, растворявшие свои двери только монахам-мученикам и священникам-ревнителям;

женщины, принимавшие фокусников и гадалщиков, и женщины, время от времени спускавшие из окна своей спальни мешок с зашитым в него телом, неслышно поглощавшимся потом темными водами Босфора². Не следует поэтому, если кто хочет хорошенько познакомиться с ними, обманываться ни однообразной пышностью их царского облачения, ни суровой видимостью церемониала, якобы определяющими их образ жизни. Души их различны, и различна также роль, какую они сыграли, – с этой стороны они и представляют интерес.

В истории исчезнувшего общества не следует всего более уделять внимание военным действиям, как бы живописны они ни были, ни дворцовым революциям или военным бунтам, какую бы трагическую картину они ни представляли. Что надо постараться узнать, так как это гораздо поучительнее, – это все разнообразные формы повседневной жизни, различные образы бытия и мышления, навыки и обычаи – словом, цивилизацию народа. На все это жизнеописание византийской императрицы, быть может, прольет для нас отчасти новый свет; а если прибавить, что помимо этих нескольких портретов цариц мы настолько знакомы еще с некоторыми знатными византийскими дамами и женщинами среднего сословия, что можем обрисовать и их, тогда, быть может, согласятся, что, стараясь вставить в подобающую им историческую рамку эти исторические портреты и восстановить

² *Rambaud. Op. cit., p. 838.*

среду, в которой они жили, мы предприняли небесполезное дело. Эти изыскания, с виду несколько частного характера, приведут к кое-каким выводам, более общим: византийское общество, такое отдаленное и малоизвестное, предстанет перед нами в более правдивых и более ярких картинах.

Глава II. Афинаида

I

7 июня 421 года благочестивейший император Феодосий, имевший тогда около двадцати лет от роду, женился на молодой девушке родом из Афин, где отец ее был преподавателем в университете. Рожденная в языческой вере, она, чтобы вступить на престол Константина, должна была перейти в христианство и в то же время, в самый день своего крещения, обменять свое красивое имя Афинаида на более подходящее для императрицы и более христианское имя – Евдокия.

Как состоялось это довольно удивительное бракосочетание между маленькой неизвестной провинциалкой и всемогущим василевсом? Очень просто: это был брак по любви, романическая история которого любезно рассказана нам византийскими летописцами. Как только Феодосий достиг возмужалости, он задумал жениться. Он мучил свою старшую сестру Пульхерию, воспитавшую его и управлявшую от его имени империей, настоятельно прося ее найти ему жену. Ему было все равно, знатного она рода или нет; все равно, богата или бедна; но он хотел, чтоб она была красива совершенной красотой, такой, какой еще не видела Византия. И

Пульхерия, чтобы угодить своему юному брату, искала по всему восточному миру, но не находила желанного совершенства, а вместе с ней искал также Павлин, друг детства и поверенный царя, как вдруг одно неожиданное обстоятельство натолкнуло их на желанную красавицу.

Один преподаватель Афинского университета, Леонтий, имел двух сыновей и одну дочь. Он был богат, но, умирая, завещал, по довольно странному капризу, все свое состояние своим сыновьям Валерию и Гезию. «Моей же дорогой дочери Афинаиде, – писал он в завещании, – приказываю выдать сто золотых. Ее от всех житейских забот избавит счастливая случайность (можно бы перевести: *удача*), какой не выпадало на долю ни одной другой женщине». Напрасно умоляла Афинаида своих братьев дать ей ее долю из отцовского наследства; ей пришлось покинуть родной дом и отправиться искать приюта у сестры матери, а та увезла ее в Константинополь, где жила другая ее тетка, сестра Леонтия. Обе тетки посоветовали молодой девушке искать при дворе поддержки против ее братьев, и августа Пульхерия дала ей аудиенцию. Афинаиде было двадцать лет. Поразительной красотой она обладала, и удивительным сложением, и довольно высоким ростом. Белокурые выющиеся волосы золотым ореолом обрамляли лицо, еще больше оттеняя свежесть и нежность ее кожи; взгляд у нее был прекрасный, глаза умные и живые, в то же время скромно опускавшиеся; безукоризненной формы греческий нос и грациозная, благородная поступь до-

полняли обаяние молодой девушки. При этом она еще умела хорошо говорить; свою просьбу она изложила в совершенстве. Пульхерия пришла в восторг, была сразу побеждена. Она сделала молодой девушке несколько вопросов о ее семье и прошлой жизни, затем поспешила к брату сообщить ему, какое чудное создание удалось ей открыть. Феодосий, взволнованный и уже влюбленный от одного описания Афинаиды, сделанного его сестрой, стал умолять августу немедленно показать ему юную чаровницу; спрятавшись с другом своим Павлином за драпировкой, он поджидал, когда введут прекрасную просительницу. Она произвела на обоих молодых людей чрезвычайно сильное впечатление; она очень понравилась Павлину, а император ее полюбил. Через несколько недель после этого, тщательно наставленная в христианской вере патриархом Аттиком и омытая от грехов язычества водою крещения, Афинаида-Евдокия стала императрицей Византийской.

Насколько соответствует действительности этот красивый рассказ? На это не так легко ответить. Лишь в VI веке появляются первые черты этой романической истории, которые еще более разукрасила фантазия следующих веков. Историки, современные молодой императрице, совсем не знают подробностей, мной только что приведенных. С уверенностью можно утверждать только, что новая царица была родом из Афин, язычница, исключительно красивая и прекрасно образованная. Этого было довольно, чтоб очаровать Феодосия,

сильно желавшего, кроме того, в видах политических упрочить как можно скорее будущность династии; а с другой стороны, понятно, что честолюбивая Пульхерия, державшая в своих руках власть и желавшая сохранить ее, охотно содействовала браку, в котором новобрачная являлась обязанной ей всем. Она пожелала быть ее крестной матерью, затем матерью приемной и, таким образом, могла рассчитывать, что в Священном дворце ничто не изменится.

II

В то время как Афинаида-Евдокия стала подругой Феодосия, императорский дворец в Византии представлял довольно странный вид. Семь лет в нем полновластно управляла молодая женщина: то была старшая сестра василевса – Пульхерия, имевшая тогда двадцать два года от роду. Умная, энергичная и честолюбивая, это была главным образом женщина, преданная политике. С ранних пор, оставшись после смерти Аркадия главой дома, она руководила воспитанием несовершеннолетнего брата, и когда ей исполнилось пятнадцать лет, в 414 году, приняла титул августы, освящавший ее власть. Желая отдаться всецело своему делу, опасаясь, быть может, также, чтобы не пришлось разделить с кем-нибудь свою власть, она в шестнадцать лет дала обет безбрачия и в память этого обещания пожертвовала храму Святой Софии золотой стол, украшенный драгоценными камнями.

Очень благочестивая, она завела при дворе новые обычаи и превратила дворец в настоящий монастырь. Под влиянием патриарха Аттика обе сестры Пульхерии, Аркадия и Марина, также дали, по примеру ее, обет безбрачия. Окружающие благочестивых царевен старались подделаться под их тон и образец, и вот в императорском жилище с утра и до ночи раздавалось пение священных песен и все предавались благочестивым упражнениям. Вместо блеска церемоний и великолепия парадных костюмов, вместо радостных кликов приветствий и церемониального марша слышалось только однотонное псалмопение, чтение молитв, видны были только темные одеяния священников и монахов. Очищенный от развращенных придворных, бесчестивших его, руководимый во всех делах своих советами мудрыми и святыми, дворец, казалось, был отмечен совсем новой печатью. Пренебрегая роскошью, туалетом и бездельем, свойственными их положению, царевны занимались рукоделием, пряли и вышивали для бедных, предавались исключительно благотворительности, раздавали милостыню. Пульхерия строила церкви, оделяла щедро больницы и приюты; сестры ее подражали ей. И в обширных покоях Священного дворца, некогда кишевших интригами, веяло теперь отовсюду благочестием, милостью, отречением от мира.

Таков был дух, в котором Пульхерия воспитала юного Феодосия. Очень просвещенная сама (она знала по-гречески и по-латыни, а это одно уже составляло редкое явление в

те времена), она окружила его превосходными учителями и самыми отборными товарищами. И царевич воспользовался хорошими уроками, преподанными ему. Действительно, это был очень просвещенный молодой человек. Он знал языки греческий и латинский, астрономию, математику, естественную историю и еще многое другое; он рисовал и писал красками и любил иллюстрировать прекрасными миниатюрами имевшиеся у него рукописи. Он также любил читать и составил себе обширную библиотеку; вечером он работал до поздней ночи при свете лампы, модель которой он сам изобрел. За все это он заслужил прозвище, данное ему историей: Феодосий Каллиграф. Но еще больше заботилась Пульхерия о нравственном воспитании своего брата. Он был очень благочестив, охотно пел с сестрами гимны, правильно постился два дня в неделю и любил вступать в споры с богословами. Наконец, Пульхерия сама давала ему уроки наружной выправки, она учила его, как должен император носить свой костюм, как он должен принимать, когда приличествует улыбаться и когда иметь вид строгий и важный — словом, всем тонкостям, налагаемым на императора церемониалом. Таким образом, ко времени своей женитьбы Феодосий был красивый молодой человек среднего роста, белокурый, с черными глазами, очень хорошо воспитанный, очень вежливый, кроткий, человеколюбивый, любезный, немного скучный, немного педант. Из физических упражнений он любил только охоту; не обладая большим нравственным му-

жеством, он не чувствовал ни малейшего влечения к войне и сражениям. Домосед, он любил проводить время у себя во дворце; слабохарактерный, он легко поддавался под всякое влияние. Словом, он был император добросовестный, но посредственный, хороший, может быть, для мирного времени и совершенно непригодный для смутного, в какое он жил.

Какая же участь ожидала Афинаиду, очутившуюся между такой властолюбивой невесткой, как Пульхерия, и таким благонравным человеком, каким был ее муж? Она ведь тоже – не надо этого забывать – была женщина ученая. В то время как она родилась, родина ее, Афины, все еще продолжали быть большим университетским городом эллинского Востока, самым прекрасным музеем Древней Греции, последним убежищем языческой науки. Сама дочь преподавателя, молодая девушка получила, конечно, наилучшее воспитание. Отец ее преподавал риторику; он познакомил ее с шедеврами древней литературы, с Гомером и трагиками, с Лисием и Демосфеном; согласно требованиям школы, он научил ее блестяще импровизировать на заданные темы, слагать звучные стихи, изящно говорить. С другой стороны, она была посвящена в тайны философии новоплатоников, самые знаменитые представители которых нашли приют в Афинах; она знала также астрономию и геометрию, и во всем она достигала одинакового совершенства. Пульхерии она прежде всего понравилась своим умом и умением говорить, и надо думать, что она прельстила Феодосия столько же своей учено-

стью, сколько красотой.

Афинаида получила чисто языческое воспитание, и тот поверхностный лоск христианства, которым патриарх украсил душу вновь обращенной, конечно, не мог заставить ее забыть то, чему научили ее в юности. Поэтому в кругах, оставшихся верными древним понятиям, женитьба императора на юной афинянке могла казаться победой язычества, во всяком случае, залогом терпимости. И действительно, императрица оставалась сначала тем, чем была дочь Леонтия.

Точно так же, несмотря на свое звание христианской столицы, в Константинополе V века живы были в сильнейшей степени воспоминания языческие. Украшенный Константином и его преемниками самыми удивительными остатками древних святилищ, он являл на своих площадях и во дворцах самые знаменитые шедевры греческой скульптуры, и в этом несравненном музее поверженные боги, казалось, все хранили в себе свое бывшее обаяние, свою былую славу. При дворе, несмотря на преобладающий дух благочестия и ханжества, во многих церемониях, во многих празднествах живы были воспоминания языческих традиций; и хотя благочестивые люди считали за большой грех общаться с грациями и музами, поэзия не была изгнана из императорского дворца. Евдокия любила стихи; она охотно их слагала; в окружавшем ее обществе она нашла людей, разделявших и поощрявших ее вкусы. Одним из первых ее дел, сейчас же после свадьбы, было сочинить стихи, героическую поэму на войну с Перси-

ей, только что счастливо оконченную. Она не могла лучше придумать, чтоб понравиться Феодосию и окончательно завоевать любовь своего просвещенного супруга. Когда в конце 422 года она, сверх того, родила ему дочь, авторитет ее от этого еще поднялся: 2 января 423 года василевс преподнес ей в виде новогоднего подарка титул августы, делавший ее официально равной Пульхерии. И внутри императорской семьи влияние молодой женщины на своего слабого мужа значительно возросло.

Очень вероятно, что ее советы имели некоторое значение при основании Константинопольского университета, открытого в 425 году; очень любопытно, что в нем первенствующее место отведено было греческой культуре. В то время как для обучения латинскому языку и литературе было назначено тринадцать преподавателей, для языка греческого и эллинской литературы назначили пятнадцать; создана была кафедра философии, и самые знаменитые люди того времени – из них некоторые только что перешли в христианство – были призваны занять должности в новом университете. Тем не менее небесполезно заметить, что, если это основание университета и почтение, высказанное ученым, и характерны для вкусов того времени, все же новое учреждение в его целом, а также, в частности, тем подчиненным местом, какое было отведено в нем для философии, носило характер, скорее, христианский и предназначалось, по мысли его учредителей, конкурировать отчасти со слишком языческим

университетом Афинским. И это проливает достаточно яркий свет на ту эволюцию, которая медленно совершалась в душе императрицы Евдокии.

Живя при благочестивом дворе, она незаметно воспринимала влияние окружавшей ее набожной среды. Ее замужество могло показаться победой язычества; в действительности она ничего не сделала для своих единоверцев, и в 424 году император Феодосий, возобновляя указы, запрещавшие культ ложных богов, торжественно заявил, «что, как он думал, больше не оставалось ни одного язычника». Этого мало: как истая византийка, Евдокия все больше пристращалась к богословским спорам. Когда в 428 году Несторий, патриарх Константинопольский, начал распространять ересь, получившую от него свое имя, когда честолюбивый Кирилл, патриарх Александрийский, не столько радея о православии, сколько из зависти к сопернику, дал возгореться страшному спору в восточной церкви, Евдокия стала на сторону своего мужа, чтобы поддержать патриарха столицы против его недругов и воспрепятствовать мятежному преемнику Афанасия, желавшему захватить для своей церкви первенство над всеми другими патриаршими престолами. Но этот эпизод освещает с любопытной стороны характер Афинаиды-Евдокии не только по той доле участия, какое, как мы видим, она принимала в религиозных спорах; он нам показывает еще нечто другое: увеличивающееся влияние молодой женщины и возрастающее несогласие между ней и Пуль-

херией.

Женив своего брата, властолюбивая августа не рассчитывала отказываться от власти, какую предоставлял ей Феодосий. Но, как бы то ни было, рядом с ней постепенно всходила на горизонте звезда Евдокии. Она светила подле царя, его родных и друзей; Евдокия покровительствовала Павлину, *magister officiorum*, и египтянину Киру из Панополиса, любившему, подобно ей, литературу и писавшему стихи; у нее были свои льстецы, своя партия при дворе, и уж она дерзала противодействовать своей невестке. Отголоски этих скрытых несогласий начинали чувствоваться за стенами дворца, и более ловкие пользовались ими, направляя одну женщину против другой. В особенности к этому прибегал всегда Кирилл в своей борьбе против Нестория; с одной стороны, он писал императору и его жене, с другой – обращался к августе Пульхерии, зная, что она относится враждебно к его сопернику, и рассчитывая на ее влияние относительно слабовольного василевса. И хотя Феодосий в самых энергичных выражениях порицал недостойность такого поведения («Ты мог думать, – писал он патриарху, – что мы были в несогласии, я, жена моя и моя сестра, или ты надеялся, что письма твоего святейшества посеют между нами раздор»), дальнейшее показало, несмотря на этот провал, что Кирилл верно видел вещи. Феодосий, созвав собор в Эфесе с твердым намерением поддержать Нестория, в конце концов внял внушениям Кирилла, настояниям столичных мо-

нахов, наветам высших сановников, которых патриарх Александрийский склонил на свою сторону, в особенности советам Пульхерии. Собрание 431 года отметило победу александрийцев и торжество властолюбивой августы. Для Евдокии же это был серьезный удар; позднее она еще более жестоким образом должна была поплатиться за последствия этих придворных несогласий и за свою попытку борьбы за влияние.

III

Это смешение в одной душе заветов язычества и христианских забот, что составляет характерную черту личности Афинаиды-Евдокии, ярко сказалось в путешествии, приведшем императрицу в 438 году в Иерусалим.

В 423 году константинопольский двор принимал важных гостей. Сестра Гонория, тетка Феодосия II, знаменитая Галла Плацидия, принужденная покинуть Равеннский дворец, явилась с дочерью своей Гонорией и юным сыном Валентинианом просить приюта в Византии. Существовал проект брака между императорскими детьми — только что родившейся тогда Евдокией и пятилетним Цезарем, ставшим в это самое время, по смерти Гонория, наследником Западной империи; и Феодосий II прилагал всяческое старание, чтобы заставить признать в Италии, под опекуном Галлы Плацидии, власть своего будущего зятя. Четырнадцать лет спустя этот с давних пор лелеемый проект стал действительностью.

Афинаида-Евдокия всегда горячо желала этого союза, должествовавшего возвести ее дочь на славный трон Западно-римской империи, и она дала обет: если желанный брак состоится, совершить, как некогда святая Елена, паломничество в Иерусалим, чтоб возблагодарить Бога на том самом месте, где Его божественный Сын умер за людей. Надеясь, быть может, также, что таким путем облегчится горе, причиненное разлукой с любимой дочерью, императрица в 438 году собралась в дорогу и отправилась в Святой город.

Прежде всего путь ее лежал в Антиохию. В этом городе, полном еще традиций и памятников античной культуры, в душе императрицы проснулись все языческие воспоминания минувшей юности. Когда, сидя во дворце Сената на золотом троне, сверкающем драгоценными камнями, она принимала чиновников и знатных горожан, ей, уроженке Афин, вдруг вспомнились уроки отца, и она произнесла блестящую речь в честь принявшего ее города, и, напомнив о далеких временах, когда греческие колонии разносили по всему Архипелагу и вплоть до берегов Сирии эллинскую цивилизацию, она закончила свою импровизацию цитатой из Гомера: «Горжусь, что я вашего рода и что во мне ваша кровь». Жители Антиохии были люди слишком культурные, слишком большие ценители литературы, чтоб не приветствовать с чрезвычайной восторженностью царицу, придерживавшуюся чисто эллинских традиций. И, как в славные дни Древней Греции, муниципальный сенат вотировал в честь ее золотую

статую, поставленную в курии, а на бронзовой плите, помещенной в музее, была вырезана надпись в воспоминание о посещении Евдокии.

С этой картиной в чисто античном духе пребывание ее в Иерусалиме представляет разительный контраст. Это был город исключительно христианский, полный благочестивых воспоминаний о Спасителе, населенный монахами и инокинями, покрытый церквами, монастырями, воздвигнутыми на всех местах, освященных прохождением по ним или пребыванием в них Спасителя. Евдокия оставалась в нем целый год, занимаясь благочестивыми упражнениями и делами благотворительности, посещая святые места, присутствуя при освящении церквей, оделяя щедрыми дарами наиболее чтимые святыни. В обмен на это она получила драгоценные мощи, часть костей св. Стефана и цепи, которые некогда носил апостол Петр. Благоговейно привезла она из Иерусалима эти остатки в Константинополь и торжественно положила их в евктирий (маленькую церковь) Святого Лаврентия. Часть из них была взята ею в расчете все на ту же любимую дочь, мысль о которой, внушив ей это путешествие, сопровождала ее во все время пути. Половина цепей св. Петра была отправлена в Рим молодой императрице Евдокии, и для их хранения была выстроена церковь San Pietro in Vincoli.

Афинаиде-Евдокии пришлось через несколько лет снова попасть в Святой город Иерусалим, и на этот раз она оставалась в нем уже до конца дней своих.

В 439 году, в момент возвращения в столицу, царица была наверху своей славы. Дочь ее была замужем за императором; сама она проехала по всему Востоку с царским великолепием, везде восторженно приветствуемая. По-видимому, она тогда решила, что теперь ей под силу вступить в еще более открытую, чем раньше, борьбу со своей прежней благодетельницей, ставшей ее соперницей, августой Пульхерией. Во всяком случае, между 439 и 442 годами друзья ее, насколько это известно, с каждым днем становятся влиятельнее при дворе. Префектура претория Востока досталась ее любимцу Киру из Панополиса, ученому и поэту, благодаря своей чисто эллинской культуре бывшему всегда близким царице: такой человек не мог нравиться Пульхерии и партии святош, а потому для Евдокии было личным торжеством милостивое внимание к нему Феодосия, явившееся следствием ее влияния. Ободренная этим успехом, она осмелилась на большее. В это время в Священном дворце евнухи имели большую власть над слабовольным монархом. Евдокия стала заодно с бывшим любимцем Хрисанфием, чтоб окончательно отстранить Пульхерию от дел; и одно время казалось, что это ей удалось. Августа должна была покинуть двор и удалиться в свою частную резиденцию; но, отрекаясь как будто от власти, Пульхерия не отказывалась от борьбы. Ее православные друзья, встревоженные новым оборотом вещей, милостью, оказанной политическим деятелям, дух которых казался им слишком свободолюбивым, должны были скоро за-

ставить Евдокию дорого поплатиться за ее мимолетную победу.

История ее падения не менее романтична, чем история ее восшествия на престол. Павлин, *magister officiorum*, был большой любимец царя, с которым играл вместе, будучи еще ребенком, пользуясь полным его доверием, равно как и любимец императрицы, так как в свое время приложил все свои старания, чтоб устроился ее брак с Феодосием. И его выбрал василевс в день свадьбы себе в дружки; с тех пор милости так и сыпались на него; имея во всякое время свободный доступ к монархам, он стал близким человеком в царской семье, и влияние его было огромно во дворце. В то же время Павлин был красив, изящен, имел величавую осанку; говорят, что он в прежнее время произвел впечатление даже на строгую Пульхерию. Противникам Афинаиды нетрудно было извлечь из всего этого пользу для себя; страстная преданность, выказываемая Павлином царице, вполне искренняя дружба с ее стороны стали в их руках оружием для возбуждения ревности Феодосия и привели к трагической развязке.

Однажды, рассказывает летопись, император собрался в церковь; Павлин, ссылаясь на болезнь, извинился, что не может принять участия в торжественной процессии. По дороге один нищий подал императору фригийское яблоко необыкновенной величины. Феодосий купил его и, все еще сильно влюбленный в жену, велел отнести его ей. Евдокия в свою очередь послала его Павлину как дружеский подарок.

Последний, не зная, от кого императрица получила яблоко, и думая, что такой подарок не может не понравиться царю, распорядился отправить его Феодосию. Монарх, немало удивленный, чуть только возвратился во дворец, велел позвать императрицу и без всяких предупреждений спрашивает ее: «Где яблоко, которое я велел послать тебе?» – «Я его съела», – ответила необдуманно Евдокия. Вечным спасением Феодосий закликает жену сказать ему правду; последняя продолжает упорствовать. Тогда, вынув яблоко из-под своего плаща, василевс показывает его обманщице. Последовало бурное объяснение. Взбешенный, мучимый ревностью, император расстался с женой; что касается Павлина, он впал в полную немилость, был удален от двора и сослан в Кесарию Каппадокийскую, где вскоре затем был умерщвлен по приказанию царя.

Насколько верна в действительности эта история? И на это очень трудно дать точный ответ. Самые древние из дошедших до нас повествований об этом происшествии относятся к VI веку, современники же ничего нам о нем не поведали, а может, и ничего не знали. Сущность рассказа, по-видимому, верна действительности. Не потому, конечно, что Евдокия была виновата в чем-либо другом, кроме как только в неосторожности; много позднее, лежа на смертном одре, перед тем как предстать перед Богом, она клялась, что в деле с Павлином была совершенно невинна. Но случай, возбуждавший такую бешеную ревность Феодосия, не замедлил по-

влечь за собою немилость монархини. Очень искусно враги ее воспользовались им против нее, чтобы вновь подчинить своему влиянию императора. Евдокия увидела, как вслед за Павлином впал в немилость другой ее друг, префект Кир. Тогда, чувствуя, что кредит ее пал, почти совсем поссорившись с мужем, устраненная от дел, видя, что ее подозревают при собственном дворе, измученная при этом распространяемою на ее счет клеветою, справедливо возмущенная, наконец, отвратительным убийством Павлина, она попросила у Феодосия позволения удалиться в Иерусалим. Император охотно дал свое согласие, возможно даже, что он побудил ее принять такое решение. К женщине, некогда столь любимой, он теперь ничего больше не чувствовал, кроме ненависти, подозрительности, злобы. И он расстался легко и навсегда с той, которую раньше так боготворил.

Приблизительно в 442 году возвратилась Евдокия в Святой город; тут прожила она восемнадцать долгих лет до самой своей смерти. Такой печальный, грустный конец существования, по-видимому, странным образом повлиял на изменение характера царицы. Покидая Константинополь, она надеялась у гроба Господня найти мир и забвение, но ненависть врагов преследовала ее вплоть до места ее далекого изгнания, подозрения мужа нарушали ее покой. В 444 году два близких ей человека, священник Север и диакон Иоанн, которых она взяла с собой из Византии и которые имели на нее большое влияние, были оговорены перед императором,

арестованы по его приказу и казнены. Оскорбленная императрица в свою очередь кровью отомстила за кровь: Сатурнин, правитель

– 39–

Иерусалима, пал под ударами подкупленных ею убийц. После этого ее страстная душа стала искать иной пищи, чтоб утолить свою потребность действовать и жить. Она бросилась в дела благочестия, окружила себя аскетами и монахами, увлеклась одной из самых мистических форм христианской догматики. Маленькая язычница из Афин вся ушла в учение монофизитов, руководимых Диоскором Александрийским, восторжествовавших на Эфесском соборе (449) и заставивших Феодосия признать их. Думала ли она, став на их сторону, отомстить, до известной степени, императору, Пульхерии, всей партии, ставшей причиной ее несчастий? Возможно. Во всяком случае, она с головой бросилась в борьбу, в пользу своих друзей обратила все оставшееся еще у нее влияние, все богатства, какими владела. И даже тогда, когда Халкидонский собор при содействии римских легатов формально осудил в 450 году дорогую ей ересь, она продолжала упорствовать в своем веровании, быть может, счастливая тем, что оказывает еще сопротивление этой ненавистной ей Пульхерии, которая теперь, после смерти Феодосия, занимала наряду с царем-супругом трон, принадлежавший раньше ей. Она горячо поддерживала еретиков в их противо-

действии, и эта василисса побуждала мятежников бороться с оружием в руках против императорских войск. Чтобы вернуть Евдокию в лоно православия, потребовались настоятельные просьбы ее дочери, зятя и мольбы самого папы Льва Великого.

В конце концов она уступила уговорам римского первосвященника, и, чтобы заслужить «небесное царство», какое он ей обещал, она употребила все оставшееся у нее влияние, чтоб умиротворить поднявшихся против своего епископа палестинских монахов и привести к халкидонской вере раскаявшихся еретиков (453). Таким образом, каждый новый год приносил с собой старой женщине все новые огорчения. Муж ее, Феодосий, умер в 450 году; в 455-м сошла в могилу ее невестка Пульхерия; в ее положении императрицы, лишенной трона, не изменилось ничего. На Западе дочь ее, Евдокия, и внучки в 455 году во время разграбления Рима попали в руки вандалов, и одна из внучек должна была выйти замуж за одного из сыновей Гензериха. На Востоке династию Феодосия Великого на византийском престоле сменила новая династия. Всеми забытая, Евдокия не существовала больше для мира. Она искала утешения в любимом ею Святом городе, строя больницы, монастыри, церкви, восстанавливая стены города, наконец, сочиняя стихи, последний отголосок ее былых ученых вкусов. Она умерла приблизительно в 460 году и была погребена в базилике Святого Стефана, сооруженной ею, и благодарный Иерусалим назвал благочести-

вую царицу, столько для него сделавшую, «новой Еленой».

IV

Странная была судьба этой Афинаиды-Евдокии, рожденной в Афинах от родителей язычников, ставшей вследствие брака по любви византийской императрицей, умершей изгнанницей в Иерусалиме, у гроба Господня, как самая набожная и страстная христианка, мистически настроенная. Именно эти противоречия ее романического и печального существования представляют для историка наибольший интерес. Поставленная на границе двух миров, на самом месте столкновения двух цивилизаций, соединяя в лице своем умирающие традиции языческой культуры и учение торжествующего христианства, при этом достаточно умная и достаточно просвещенная, чтоб понимать явно совершавшуюся эволюцию ее времени, она представляет собою любопытный и знаменательный пример того, как в этот век могли уживаться в одной и той же душе самые противоречивые идеи, самые резкие противоположности. Уже сама ее жизнь показала нам, сколько соединялось в ней самого разнородного; ее литературные произведения показывают нам это еще яснее.

Евдокия всегда любила поэзию. Во время своего могущества она, как нам известно, прославила в героических стихах победы, одержанные над персами императорскими войска-

ми, и возможно, что ее похвальное слово Антиохии также было написано в стихах. В последние годы жизни у нее возродился вкус к такого рода литературным упражнениям; но на этот раз вдохновляли ее музу исключительно религиозные мотивы. Она перевела героическими стихами места из *Ветхого Завета: Книги Моисея, Иисуса Навина, Судей, Книгу Руфь*, и в IX веке еще патриарх Фотий, хороший знаток по части литературы, очень высоко ставил это произведение и находил его прямо замечательным «для женщины и для императрицы». Она перевела также *Пророчество Захарии и Даниила*, и грамматик Цец в свою очередь высоко ценил талант «золотой императрицы, очень премудрой дочери великого Леонтия». Она сочинила также *Homero-centra*, или *Гомеровские ценконы*, в которых пыталась рассказать эпизоды из жизни Христа гомеровскими стихами, искусно подобранными. Это, впрочем, был род сочинений, крайне любимый в ее время, и, прилагая тут свое старание, она только продолжала, как сама в том сознается, дело одного из своих современников, епископа Патрикия. Тем не менее надо сознаться, хоть византийские критики последующих времен крайне хвалили это царское произведение, что оно довольно посредственное. По содержанию оно не представляет ничего оригинального; что касается формы, что бы на этот счет ни думала Евдокия, похвалявшаяся к тому же, что «облекла в гармонию священные повествования», она ничуть не выше: язык слаб, стихосложение посредственное. Единственная, в

сущности, интересная и характерная сторона этого произведения – это попытка включить повесть жизни Спасителя в рамки гомеровского размера речи и языка и таким странным образом соединить языческое с христианским. Поэтому не много пришлось бы сказать о литературной деятельности Афинаиды-Евдокии, не будь она автором одного более любопытного произведения: это поэма в трех песнях о святом Киприане Антиохийском, крайне ценимая Фотием и от которой до нас дошло несколько значительных отрывков.

Киприан Антиохийский был, по преданию, знаменитый маг. Однажды один молодой язычник по имени Аглаида пришел к нему, надеясь на помощь его таинственной науки. Он любил одну христианскую девушку, Юстину, но она отвергла его любовь; чтоб побороть ее сопротивление, он не видел другого средства, как только прибегнуть к помощи демона. Киприан согласился, и, чтобы восторжествовать над девушкой, он пустил в ход всю свою власть с тем большим рвением, что скоро сам влюбился в сияющую красоту Юстины. Все усилия волшебника остались тщетны: вызванные им демоны бежали, чуть только девушка сделала знамение креста. Тогда, убежденный в тщете своего преступного знания, Киприан решается сжечь свои волшебные книги, раздает свое имущество бедным, принимает христианскую веру. Оставшийся ни при чем влюбленный юноша делает то же самое. И в конце концов раскаявшийся маг становится епископом Антиохийским и вместе с Юстиной мужественно претерпе-

вает мученическую смерть за свою веру.

Самая интересная часть поэмы – я только вкратце указал ее содержание – это вторая песнь, заключающая исповедание Киприана. Готовясь отречься от своих заблуждений, мудрый язычник хочет публично рассказать свою жизнь, перед лицом собравшегося народа открыть все, чему он научился при помощи волшебных языческих знаний, обо всем преступном, что он совершил при проклятом содействии демонов, и как, наконец, когда свет истины озарил его душу, он обратился и покался. В этом длинном повествовании Киприан рассказывает, как он был посвящен во всех святых местах язычества, в Афинах и в Элевсине, на Олимпе, где «невежественные смертные говорят, что живут ложные боги», на Аргосе и во Фригии, где обучают искусству авгуров, в Египте и Халдее, где обучаются тайнам астрологии; в сильных выражениях он рассказал, как изучил «все эти преходящие формы, ложное обличие вечной мудрости», как он питался этими древними и зловредными знаниями, рассеиваемыми демонами по лицу земли на погибель людей. Благодаря их проклятому искусству он дошел до того, что мог вызывать самого князя лжи, и он «дал ему власть над миром и приставил в услужение ему сонм злых духов». Но этот описываемый Киприаном сатана совсем не тот дьявол, какого представляли себе Средние века; в своем мрачном величии он напоминает, скорей, павшего ангела, описанного впоследствии Мильтоном в его *Потерянном рае*. «Его лик, – говорится в поэ-

ме, — горел, как цветок, чистым золотом, и отсвет этого огня сиял в блеске его глаз. На голове его была диадема, сверкавшая драгоценными камнями. Великолепны были его одежды. И земля содрогалась при малейшем его движении. Теснясь вокруг его трона, стояли бесчисленные сонмы стражи, и он считал себя богом, льстясь, что может все, как Бог, и не боясь борьбы с вечным Владыкой». Отец лжи, этот павший бог, наваждением мрака созидаящий все, что может погубить и обмануть человека, «города и дворцы, тенистые берега, густолиственные леса, родимый кров отчего дома, все обманчивые образы, что видятся путнику в ночи», ложные призраки, которыми демоны прельщают смертных, ввергая их тем в погибель.

Затем следует повесть искушения Юстины. На нее Киприан напускает всех демонов одного за другим, а также самого сатану — все бесполезно. Тогда, чтоб победить ее, маг прибегает к помощи призраков-обольстителей; чтоб облегчить себе доступ к ней, чтоб вернее искусить ее, он сам превращается то в молодую женщину, то в прекрасную птицу со сладкозвучным голосом; самого Аглаиду он превращает в воробья, чтобы тот мог лететь к возлюбленной. Но под спокойным и чистым девичьим взглядом ложная птица камнем падает на землю. Тогда Киприан прибегает к другим средствам: на семью Юстины насылаются всевозможные бедствия; чума свирепствует в ее родном городе; но ничто не может поколебать твердость молодой девушки. И, бессильный перед всеми эти-

ми неудачами, маг начинает сомневаться в себе самом; он поносит сатану, хочет уничтожить договор, которым он связан с царем тьмы теперь, и он, как Юстина, делает знамение христианского креста, чтоб огородиться от нападок нечистого. Но сатана, полный издевательства, неумолимый, насмехается над своей жертвой, думающей спастись от него: «Христос не вырвет тебя из моих рук, Христос не принимает того, кто раз последовал за мной». И несчастный, страшась грозящего ему вечного проклятия, заканчивает свою исповедь следующими горестными словами, полными мольбы: «Я рассказал вам мою жизнь. Теперь ваш черед сказать мне, смогу ли я преклонить к себе милость Христову и услышит ли Он мою молитву?»

Во всех частях этой поэмы встречаются действительно красивые, сильные места, и чувствуется также, какие литературные воспоминания, какие сближения вызывает и будит непосредственно это чтение. Киприан и сатана – разве это не Фауст и Мефистофель; а в ослепительном и гордом демоне греческого автора, в надменных словах, роняемых им, есть нечто общее с павшим ангелом из *Потерянного рая*. В других местах вспоминается *Божественная комедия*, там, где Евдокия яркими красками описывает олицетворенные пороки, рассеиваемые злыми духами по всему миру: ложь и похоть, обман и ненависть, лицемерие и непостоянство. И это, без сомнения, немалая заслуга греческого произведения V века – вызывать в памяти читателя образы Данте, Гете,

Мильтона. Значит ли, что честь этого произведения принадлежит всецело Афинаиде-Евдокии? Никоим образом. И тут доля ее личного творчества невелика, и она ничего не создала из всех этих чудесных, пленяющих нас выдумок. Легенда о святом Киприане появляется еще в IV веке, вероятно в Сирии, и она настолько пользовалась успехом, что должна была существовать ее версия прозой и на греческом языке. Эту повесть императрица и переложила в стихи, как она перекладывала в стихи священные книги и жизнеописание Спасителя, и красота взятого ею содержания ничего не говорит в пользу ее таланта.

Но, во всяком случае, ей принадлежит заслуга выбора, и вот с какой стороны произведение ее становится чрезвычайно интересным для желающего ознакомиться с ее душой. Легко понять, что приключение Киприана Антиохийского должно было особенно пленить Афинаиду-Евдокию: отчасти это ее собственная история. Как это было с магом, так и ее родители хотели, чтобы она научилась всему, «что есть на земле, в море и воздухе». Как и он, она была посвящена «в мнимую мудрость греков». Как и он, «она думала, что живет, когда на самом деле была мертва». Далее, подобно ему, она отвергла «нечестивую веру в идолов» и разбила «ложные кумиры богов». И, наконец, подобно ему же, став сама христианкой и предавшись благочестию, она хотела наставлять «тех, кто еще услаждался нечестивыми кумирами». Вот почему можно с полным основанием думать, что в поучитель-

ную историю, рассказанную ею, она вложила и кое-что свое.

Можем ли мы признать, что эта искренность отмечена искрой гениальности? Опять нет. И тут, как в других вещах, единственно ей принадлежащее – форма – посредственно. И тем не менее произведение это сохраняет интерес, если иметь в виду психологию нашей героини. С того дня, как Афинаида стала христианкой, новая вера очень быстро выжгла в ее душе последние следы античной языческой красоты, всю прелесть ее юношеских воспоминаний. Афины, Элевсин, Аргос – все эти святые места, где она проводила первые годы жизни, отныне стали для нее лишь приютами ложных богов. Наука, которой она раньше питалась, оказалась ей наваждением демонов-обманщиков; прекрасные легенды, в детстве баюкавшие ее, стали в глазах ее лишь «пустыми рассказами старых женщин». «О вы! прекрасные и чистые образы, истинные боги и истинные богини, трепещите! – писал Ренан в знаменитом месте своей книги об апостоле Павле. – Роковое слово произнесено: вы – идолы. Заблуждение этого невзрачного иудея станет вашим смертным приговором». Точно так же торжествующее христианство в один день преобразило Афинаиду. Прежняя ученая молодая девушка, философ-язычница, стала лишь благочестивейшей императрицей Евдокией; и когда пробуждались в ее душе смутные отголоски классической культуры, когда, оставаясь верной своему эллинскому воспитанию, она свято хранила культ гомеровской формы и память о Гомере, быть может,

испытывала она, с другой стороны, страх вновь поддаться обманчивым иллюзиям сатаны, если только, как доброй христианке, ей не представлялось, что, отдавая все эти языческие чары на служение славе Божией, она тем самым освящала их.

Глава III. Феодора

Приключения Феодоры, императрицы Византийской, поднявшейся с подмостков ипподрома и затем сразу попавшей на трон цезарей, во все времена возбуждали особенное любопытство и заставляли разыгрываться воображение. Еще при ее жизни ее необычайное счастье так поражало современников, что константинопольские обыватели для объяснения его выдумывали самые невероятные истории, множество всяких сплетен, тщательно собранных Прокопием для потомства в *Тайной истории*. После смерти Феодора стала еще больше достоянием легенды: люди Востока и Запада, сирийцы, византийцы и славяне изукрасили всевозможными романическими подробностями ее романическую судьбу; и благодаря этой шумной славе из множества цариц, занимавших византийский престол, одна Феодора вплоть до наших дней продолжает пользоваться известностью и почти популярностью³.

Но значит ли это, что мы знаем совершенно точно, какова была эта прославленная императрица, в которой очень многие видят только знаменитую искательницу приключений?

³ Подробности о жизни Феодоры читатель найдет в монографии, напечатанной мной под заглавием "Феодора, императрица Византийская" (Париж, 1904). Но мне представилось, что читатель был бы удивлен, если бы в этой галерее византийских цариц не нашел хотя бы небольшого очерка об этой знаменитой монархини.

Я не вполне в этом уверен. До сих пор большинство писателей, пытавшихся дать ее характеристику, пользовались главным образом, чтобы не сказать исключительно, анекдотами, собранными Прокопием. Я, конечно, не отрицаю известной ценности этого документа и даже охотно допускаю, что, изучая его внимательно, можно, лучше, чем это было сделано до сих пор, ознакомиться с некоторыми психологическими чертами Феодоры времен ее бурной молодости. Однако следует обратить внимание на то, что существует не одна *Тайная история*. Были найдены, в особенности в последние годы, другие, новые документы, позволяющие нарисовать более полный портрет знаменитой царицы. *Жития восточных святых*, рассказанные в середине VI века одним из приближенных императрицы, епископом Иоанном Эфесским, неизданные отрывки большой *Церковной истории*, составленной тем же автором, анонимная хроника, выдаваемая за сочинение Захарии Митиленского, другие произведения того же времени, как-то: жизнеописания патриарха Севера и Якова Барадея, апостола монофизитов, были изданы или переведены по сирийским рукописям, пребывавшим до того времени в полном забвении, и они с достаточно интересной стороны освещают роль, какую играла Феодора в делах религиозных и политических. Сюда можно прибавить и других писателей, ставших известными раньше, но которыми пользуются довольно редко, как, например, Иоанн Лид или новые отрывки Малалы, не говоря уже об императорских *Новеллах*, отбив-

ших не у одного смельчака всякую охоту читать их, несмотря на то, что в них много материала, — до того они томительно-многословны, и о самом Прокопии, оставившем, к счастью для нас, не одну *Тайную историю*, но еще и другие произведения. И если внимательно прочесть все эти источники, выясняются некоторые факты, представляющие исторические лица времен Юстиниана в несколько ином свете, чем их обыкновенно изображают.

I

В первые годы VI века Феодора, актриса и танцовщица, заставляла говорить о себе весь Константинополь.

Откуда она была родом, не вполне известно. Иные из позднейших летописцев считают, что родиной ее был Кипр, знойный и страстный край Афродиты; другие, и это представляется более вероятным, указывают, что родиной ее была Сирия. Как бы то ни было, она маленьким ребенком была привезена родными в Византий и выросла и воспиталась в шумной и развращенной столице империи.

Из какой семьи она происходила, также неизвестно. Из почтения к императорскому дому, до которого она возвысилась, позднее сложилась легенда о ее знаменитом происхождении или, во всяком случае, почтенном: будто отец ее был сенатором, очень уважаемым и благомыслящим. В действительности она, по-видимому, была более скромного проис-

хождения. Отцом ее, если верить *Тайной истории*, был бедный человек по имени Акакий, по роду занятий вожак медведей в цирке; мать ее была женщина нестрогая, как это часто встречается в закулисном мире театра и цирка. У этой артистической четы было три дочери: вторая, будущая императрица, родилась, вероятно, около 500 года.

С малолетства Феодора была в постоянных сношениях с народом, которого пленяла потом как актриса, раньше чем стала управлять им как монархиня. Акакий умер, оставив вдову и трех дочерей в бедственном положении. Чтоб сохранить за собой должность покойного, единственный заработок семьи, мать не видела иного выхода, как сойтись с другим мужчиной, который, став преемником покойного по должности в цирке, принял бы на себя заботу и о его семье, и о его животных. Но чтоб этот расчет удался, надо было согласие Астерия, главы партии Зеленых, а Астерий был подкуплен в пользу другого кандидата. Чтоб восторжествовать над противной стороной, мать Феодоры решила склонить на свою сторону народ, и однажды, когда толпа собралась в цирке, она появилась на арене со своими тремя девочками, увенчанными цветами и простиравшими с мольбой свои ручки к народу. Зеленые только рассмеялись над этой трогательной мольбой; к счастью, другая партия цирка, партия Голубых, всегда готовых навредить своим противникам, поспешила исполнить просьбу, отклоненную Зелеными, и предложить семье Акакия должность, подобную той, какую она

теряла. Никогда Феодора не могла забыть обидное равнодушие, с каким Зеленые отнеслись к ее мольбе, — и с этой минуты в ребенке становятся заметными черты характера, так резко выступающие в женщине: злопамятность и неутолимая жажда мести.

Так росла Феодора среди этих довольно двусмысленных людей, цирковых актеров, и естественным образом подготовилась к своей будущей профессии. Старшая ее сестра имела успех на сцене, Феодора пошла по ее следам. С малолетства она сопровождала старшую сестру на подмостки, исполняя при ней роль маленькой прислужницы; чаще всего Феодора ходила с ней на светские собрания и в суতোлке передних рано познакомилась с грязными прикосновениями и нескромными разговорами. Затем в свою очередь и она появилась на сцене; но ей не хотелось, подобно многим другим, быть флейтисткой, певицей или танцовщицей; она предпочитала принимать участие в живых картинах, где она могла выставить без всякого прикрытия свою красоту, которой гордилась, и в пантомимах, где могли проявляться вполне свободно ее веселость и живой комизм.

Действительно, она была хороша собой, небольшого роста, но чрезвычайно грациозная, а ее прелестное лицо, матовое, слегка бледное, озарялось большими, полными выражения жизни и блеска глазами. От этого всемогущего очарования сохранилось очень мало следов на официальном портрете в храме Святого Виталия в Равенне. Под тяжелой им-

ператорской мантией стан кажется выше, но менее гибким; под диадемой, скрывающей лоб, маленькое нежное лицо с несколько как бы похудевшим овалом, большим прямым и тонким носом выглядит торжественно, почти печально. Одно только сохранилось на этом увядшем лице: под темной линией сросшихся бровей прекрасные черные глаза, о которых говорит Прокопий, все еще озаряют и как будто уничтожают лицо.

Но Феодора обладала и другими качествами помимо красоты. Она была смышлена, умна, забавна; в ней был природный комизм, и она упражняла свое остроумие над другими актрисами, с которыми играла; веселый, игривый склад ума ее неодолимо привязывал к ней самых верных ее обожателей. Она отнюдь не всегда была добра, и в своих насмешках не скупилась на хлесткие выражения, раз они вызывали смех; но, когда она хотела нравиться, она умела проявлять силу очарования, совершенно неотразимую. Вместе с тем, предприимчивая, смелая, дерзкая, она не ждала, чтоб почести сыпались на нее, она сама добивалась их благодаря своей веселой, ликующей отваге; и так как, наконец, у нее мало было развито нравственное чувство, — но откуда бы, впрочем, и взяться ему у ней, — и сверх всего остального она обладала исключительно страстным темпераментом, она быстро добилась успеха, и не только на сцене. В профессии, не требующей добродетели, она развлекала, забавляла и скандализировала Константинополь. На сцене она решалась на

самые нескромные выходки и показывалась самым откровенным образом. В городе она скоро прославилась безумной роскошью своих ужинов, смелостью речей и множеством любовников. Но тут в особенности она скоро так скомпрометировала себя, что честные люди, встречаясь с ней на улице, сторонились ее, боясь запачкаться, прикоснувшись к такому нечистому существу, и один факт встречи с ней принимался уже за дурное предзнаменование. Ей не было тогда и двадцати лет.

В это время она вдруг исчезла. У нее тогда был любовник, сириец Экевол, который был назначен правителем Пентаполя Африканского, и Феодора решила последовать туда за ним. К несчастью, роман длился недолго: самым грубым образом, неизвестно почему, Экевол прогнал Феодору, и несчастная, без денег, нуждаясь в самом необходимом, должна была некоторое время скитаться во всему Востоку. Довольно долго пришлось ей тогда прожить в Александрии, и это обстоятельство сыграло значительную роль в ее жизни. Египетская столица не была на самом деле только большим коммерческим городом, изящным и богатым, легкомысленным и развращенным, избранным местом знаменитых куртизанок. Начиная с IV века она была также одной из столиц христианства. Нигде религиозная борьба не велась с таким ожесточением, богословские споры – с таким искусством и с таким жаром, нигде фанатизм не принимал таких размеров; но нигде также память о великих основателях мона-

стырской жизни не принесла такого пышного расцвета монастырей, мистиков и аскетов. Предмесья Александрии были наполнены монастырями, в Ливийской пустыне скрывалось столько отшельников, что она заслуживала название «пустыни святых».

В том бедственном состоянии, в каком она тогда находилась, Феодора испытала влияние среды, куда закинули ее обстоятельства. Она нашла доступ к некоторым святым людям, как, например, патриарх Тимофей, Север Антиохийский, охотно обращавшимися со своей проповедью к женщинам, и можно спросить себя не без основания, не благодаря ли им кающаяся куртизанка возродилась, хотя бы на самое короткое время, для иной, христианской и более чистой жизни. Когда она возвратилась в Константинополь, это была женщина более положительная, зрелая, чувствовавшая усталость от скитальческой жизни и безумных приключений; она старалась, искренно ли или нет, вести самую уединенную и целомудренную жизнь. Одно предание гласит, что она жила в маленьком домике, скромно и честно, занималась пряжей и охраняла дом, как римские матроны доброго старого времени. Тут она и встретилась с Юстинианом.

Каким образом удалось ей пленить и прочно к себе привязать этого человека, уже не молодого – ему было около сорока лет, – этого государственного деятеля, которому опасно было скомпрометировать себя и необходимо было охранять свое будущее? Неизвестно. Прокопий говорит о магии

и любовных напитках; это значит, по правде сказать, слишком усложнять вещи, совершенно забывая о гибком, живом уме, о непринужденной грации, об остроумии, которыми Феодора пленила столько любовников, и в особенности о ее ясном и твердом уме, который должен был сильно действовать на нерешительную, слабую душу ее любовника. Во всяком случае, несомненно, что она овладела царем всецело. Влюбленный без памяти, он исполнял все требования своей любовницы. Она любила деньги – он снабжал ее сокровищами. Она жаждала почестей и уважения – он выхлопотал для нее у слабого императора, своего дяди, высокое достоинство патрицианки. Она была тщеславна, жаждала иметь влияние – он руководился ее советами, сделался послушным орудием ее симпатий и ее мстительности. Скоро он дошел до того, что захотел жениться на ней во что бы то ни стало. Добрый император Юстин, мало заботившийся о благородстве рода, по-видимому, легко согласился на просьбу своего любимого племянника. Но препятствие встретилось с другой и совсем неожиданной стороны. Обладая простым здравым смыслом крестьянки, императрица Евфимия была возмущена тем, что женщина, подобная Феодоре, может ей наследовать; и, несмотря на свою нежность к племяннику, несмотря на всегдашнюю готовность исполнять его желания, в данном случае она и слышать ничего не хотела. К счастью, Евфимия умерла как раз вовремя, в 523 году. Тогда все устроилось без труда. Закон не позволял сенаторам и высшим са-

новникам жениться на женщинах рабского состояния, служанках гостиниц, актрисах или куртизанках; чтоб доставить удовольствие Юстиниану, Юстин отменил этот закон. Он пошел дальше. Когда в апреле 527 года он официально назначил племянника своим соправителем, Феодора разделила верховный почет и торжество своего мужа. Вместе с ним в день Пасхи в храме Святой Софии, сверкающем бесчисленными огнями свечей, она была торжественно коронована; затем, по обычаю цариц византийских, она отправилась на Ипподром, чтоб выслушать приветствие народа, на тот самый Ипподром, где состоялись ее первые дебюты. Мечты ее осуществились.

II

Такова история Феодоровой юности, по крайней мере так рассказал ее Прокопий; и в течение двух с половиной веков, с того дня, как нашли рукопись *Тайной истории*, к этому скандальному рассказу относились вообще с доверием. Но следует ли из этого, что его надо принимать полностью? Pamфлет не есть еще история, и можно спросить себя с полным основанием, сколько правды содержится в этих удивительных приключениях?

«Не выдумывают таких невероятных вещей, — сказал некогда Гиббон, — значит, это правда». В последние же годы, напротив, некоторые основательные историки не раз от-

вергали авторитетность единственного свидетеля, каким является Прокопий, и можно было совершенно серьезно говорить о «легенде про Феодору». Не желая вновь вступать в эти пререкания и признавая вполне значение некоторых из сделанных замечаний, мне тем не менее думается, что было бы неосторожно чересчур обелять ту, которую *Тайная история* так сильно очернила. Очень досадно, что Иоанн, епископ Эфесский, близко знавший Феодору, из уважения к великим мира сего, не сообщил нам подробно всех оскорбительных выражений, которыми, по его же словам, поносили императрицу благочестивые монахи, люди, известные своей грубой откровенностью. Во всяком случае, достоверно известно, что между современниками были и другие помимо Прокопия, находившие возможным осуждать ее, и что люди, близкие к императорскому двору, как, например, секретарь Приск, префект Иоанн Каппадокийский, знали за ней некоторые слабости, за которые ее можно было порицать. Не знаю, верно ли сообщение Прокопия, что она в молодости родила сына и что это было для нее несчастным обстоятельством; несомненно, во всяком случае, что у нее была дочь, но никак не от Юстиниана; однако, судя по высокому положению, какое приобрел себе при дворе сын этой дочери, его темное прошлое мало смущало как императрицу, так и императора. Наконец, некоторые психологические черты Феодоры, ее заботы о бедных девушках, погибавших в столице чаще от нужды, чем от порочности, меры, предпринятые ею

для их спасения и их освобождения «от ига их постыдного рабства», по выражению одного современника, а также несколько презрительная жестокость, какую она всегда вызывала мужчинам, до известной степени подтверждают то, что передают о ее молодости. И если признать все это, а отрицать этого нельзя, невозможно отвергать целиком все, что рассказано в *Тайной истории*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.